

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСАНДР ЗВЯГИНЦЕВ

На веки вечные

Библиотека всемирной литературы (Эксмо)

Александр Звягинцев

**На веки вечные. Роман-хроника
времен Нюрнбергского процесса**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Звягинцев А. Г.

На веки вечные. Роман-хроника времен Нюрнбергского процесса
/ А. Г. Звягинцев — «Эксмо», 2017 — (Библиотека всемирной
литературы (Эксмо))

ISBN 978-5-699-97919-6

Впервые в одной книге увлекательная художественная версия исторических событий более чем 65-летней давности. Нюрнбергский процесс – международный суд над бывшими руководителями гитлеровской Германии. Великая история сквозь невероятную жизнь ее героев – с любовным треугольником и шпионскими интригами. В новом романе Александра Звягинцева – мастера остросюжетного жанра и серьезных разысканий эпохи – пожелтевшие документы истории оживают многообразными цветами эмоций и страстей человеческих. На основе книги был снят телевизионный сериал «Нюрнберг. Контригра», с успехом транслировавшийся в эфире канала «Россия 1» осенью 2011 года.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97919-6

© Звягинцев А. Г., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Книга I	6
Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	18
Глава VI	20
Глава VII	22
Глава VIII	24
Глава IX	27
Глава X	31
Глава XI	32
Глава XII	35
Глава XIII	36
Глава XIV	40
Глава XV	42
Глава XVI	47
Глава XVII	49
Глава XVIII	54
Часть вторая	58
Глава I	58
Глава II	60
Глава III	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Звягинцев

На веки вечные. Роман-хроника времен Нюрнбергского процесса

© Звягинцев А.Г., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

В страшном послевоенном Нюрнберге должен начать работу небывалый в истории судебный процесс над главарями поверженного рейха. Именно здесь наши контрразведчики ведут тайную войну с теми, кто намерен любой ценой не допустить вынесения справедливого приговора, которого ждет весь мир.

Практически снесенный с лица земли Нюрнберг становится ареной безжалостной борьбы, тайных и открытых схваток. Тут орудуют скрывшиеся в подполье нацисты, плетут интриги спецслужбы, торгуются политики и дипломаты, блистают кинозвезды. Громадная работа по разоблачению злодеяний фашистов, сделанная нашей делегацией во главе с Главным обвинителем от Советского Союза Романом Руденко, находится под угрозой.

И именно здесь, на территории, оккупированной американскими войсками, самоотверженно действует майор нашей контрразведки Денис Ребров – ему поставлена задача особой государственной важности.

Но причудлива судьба человеческая. В этом же старинном имперском городе, где среди развалин обитают тени людей, готовых на все ради пачки сигарет и куска хлеба, откуда на человечество ежедневно обрушивается правда о немыслимых преступлениях, которые невозможно представить, Денис Ребров встречает женщину своей жизни – княжну Ирину Куракину из семьи российских аристократов-эмигрантов. Но между ними пропасти, которые грозят гибелью обоим, ведь они принадлежат разным частям трагически расколовшегося русского мира...

На страницах романа кроме Главных обвинителей от СССР – Романа Руденко и его коллеги из США – Роберта Джексона читатель встретит немало и других реальных исторических персонажей – главарей Третьего рейха Геринга и Риббентропа, Гесса и Кальтенбруннера, кинодиву Ольгу Чехову, которую называли любимой актрисой Гитлера, и саму Марлен Дитрих, «вождя народов» – Сталина и его ближайших соратников: Молотова, Берию и Вышинского...

В основу романа положены неизвестные доселе факты и данные, которые автор, посвятивший изучению Нюрнбергского процесса многие годы, получил от его участников и свидетелей.

Книга I

Свидание с привкусом разлуки

Часть первая

Игры профессионалов

Глава I

И помни обо мне!

Все газеты Америки взахлеб рассказывали о том, что происходит в побежденной нацистской Германии, о толпах пленных, которых уже не знали куда девать, о поисках Гитлера и остальных фашистских бонз, которые то ли скрылись, то ли истребили сами себя. С фашистской Германией было покончено, оставалось только разобраться с ее смердящими останками и понять, что может и должно быть на ее месте. И теперь не было недостатка в героях, готовых на самые крайние меры. «Перебейте их всех! Оставьте хотя бы одного – они расплодятся снова, и вам придется начинать все с самого начала. Это ведь все равно что выпустить кроликов на молоденькую травку», – писал о немцах, разгорячившись, даже вполне умеренный в прошлом один государственный деятель. Более хитроумные и хладнокровные привычно хотели сделать все чужими руками: «Пусть русские делают грязную работу, мы не будем иметь к этому никакого отношения».

Мужчина лет тридцати отложил в сторону газеты и погрузился в размышления. За окном его нью-йоркской квартиры шумел и веселился огромный город, торжествующий победу. Ни в Нью-Йорке, ни где бы то ни было еще никто не знал, что человек, изучавший американскую прессу, был глубоко законспирированным советским агентом в Америке под оперативной кличкой «Гектор». Да и в Москве о нем знали всего лишь несколько человек.

Гектор, как это часто случалось с ним в последние дни, думал о своем отце, который умер еще до начала войны.

Рос Гектор совершенно американским парнем – колледж, американский футбол, университет, вольная самостоятельная жизнь в университетском кампусе со всеми вытекающими из этого последствиями. Мать его погибла в автомобильной катастрофе, когда ему исполнилось двенадцать, отец всегда был занят на работе – он трудился в госдепартаменте, поэтому вечно торчал в Вашингтоне и редко появлялся в доме, расположенном в пригороде. Так что Гектор всегда чувствовал себя в этой жизни одиноким охотником, который может положиться лишь на самого себя.

Но отца он уважал и любил – в нем чувствовалась некая серьезная напряженная внутренняя жизнь и убежденность в существовании неких ценностей, которые надо отстаивать, чем бы это ни грозило. О том, что это за ценности, Гектор догадывался во время нечастых серьезных разговоров, которые им довелось вести. Отец никогда не призывал его к чему-то и не поучал, он лишь говорил о своем видении того или иного события, предоставляя сыну самому делать выводы. Так Гектор узнал, что отец презирует классовые различия, разделение на бедных и богатых, что он не любит крайностей конкуренции, когда люди идут на что угодно, лишь бы превзойти других, поставить их ниже себя. Национальное американское увлечение бизнесом он считал крысиными гонками, где тебя, если ты не преуспел, могут выкинуть на свалку, как мусор. А бесконечная погоня за деньгами, по мнению отца, не оставляет времени ни на что

другое – даже на удовольствие от их траты. Что-то из этих разговоров забывалось, а что-то откладывалось в сознании Гектора и уже не пропадало.

Отца особенно волновало все, что творилось в Германии с приходом Гитлера к власти. Он считал, что это самое настоящее исчадие ада способно свергнуть весь мир в чудовищную катастрофу. И что его надо остановить любой ценой. Из некоторых его слов Гектор мог сделать вывод, что в Америке есть люди, которые не только помогли Гитлеру захватить власть, но и помогают ему вооружаться, создавать самую современную и оснащенную армию.

В конце тридцатых Гектор, уже получивший университетский диплом, отправился в Европу посмотреть на Старый Свет, откуда были родом его предки. Неожиданно пришла телеграмма с известием, что отец тяжело болен и надо возвращаться. Отца он просто не узнал – рак печени пожирал его ненасытно и неумолимо. Когда они остались вдвоем, отец, тяжело дыша, сказал:

– Хочу, чтобы ты узнал от меня то, что может слишком потрясти тебя, если ты узнаешь это от других... Вот уже несколько лет я сотрудничаю с русскими... Я сообщаю им сведения, которые могут помочь им в борьбе с Гитлером.

Гектор молчал ошеломленный. В голове его была звонкая пустота. Понимая, что с ним происходит, отец какое-то время тоже молчал, тяжело дыша. Потом продолжил:

– Ты знаешь, что я считаю Германию в руках Гитлера самой большой опасностью всему миру. Но дело не только в этом. Я убежден, что остановить его могут только русские. Больше никому. Французы просто не хотят воевать, англичане одержимы мыслью натравить его на русских и больше ничего не хотят видеть. Мы, американцы, считаем себя в полной безопасности и потому не будем вмешиваться в надежде загрести жар чужими руками. У нас многие готовятся с удовольствием наблюдать, как русские и немцы будут истекать кровью. На мой взгляд это ошибка и подлость...

Гектор молча смотрел на отца.

– Вот почему я решил, что русским надо помогать... Я знаю, что они не ангелы, и мне не нравится многое из того, что творит Сталин, но... Только он может раздавить Гитлера, только Россия с ее необъятными силами. А победив Гитлера, они неминуемо изменятся...

Отец задыхался. На его желтом лбу с выпуклыми синими венами выступили крупные пятна пота.

– Вот и все, теперь ты знаешь это... Надеюсь, что ты поймешь мое решение. Деньги меня не интересовали. Я просто делал то, что считал нужным. На столе бумага, там написано, как связаться с русским, если ты... Поступай как сочтешь нужным.

Отец умер в тот же вечер. Гектор полгода провел в бесконечных раздумьях и сомнениях. Но жизнь постоянно подбрасывала информацию, подтверждавшую правоту отца. Запад хладнокровно вел дело к войне, рассчитывая, что Германия и Советский Союз уничтожат друг друга. Все попытки русских создать коалицию против Гитлера хладнокровно и методично разваливались. В это время в Америке было уже множество беженцев из Германии, и Гектор из первых рук узнавал о том, что такое гитлеровский порядок. Было понятно, что Европа не выдержит столкновения с германскими силами, что немцы просто пройдут по ней парадным маршем. Русские были последней надеждой. Чуть ли не случайно он узнал в это время, что «Форд» и «Дженерал моторс» через свои заводы-филиалы в Германии самым активным образом участвуют в создании моторизованных частей гитлеровской армии. Советский Союз был обречен на страшную войну. Видимо, к тому времени решение уже созрело в нем окончательно, и он воспользовался запиской отца, чтобы выйти на русских...

И вот теперь, когда прошло уже столько лет со дня смерти отца, когда Гитлер ценой ужасающих жертв, прежде всего русских, повержен, он думал о том, что отец был прав. И он сам сделал правильный выбор, когда решил помогать им. Но вот что теперь, когда война закончилась? Превращаться в шпиона, выведывающего тайны своей страны?

Нью-Йорк за окном продолжал беспечно веселиться.

Постскриптум

27 апреля 1942 года Правительство СССР вручило послам и посланникам всех стран ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления». Сообщение ТАСС.

2 ноября 1942 года принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

Глава II Лабиринты ада

– И чего мы тут ищем?

– Правду, мы ищем правду... Чего же еще?

– А если конкретно?

– Ну, а если конкретно, ищем доказательства, что господин Гитлер действительно кончил жизнь самоубийством, а не бежал на подводной лодке куда-нибудь в Австралию...

– Так вроде уже два трупа нашли!

– В том-то и дело... В том-то и дело, что два. А должен быть один! Один, но настоящий! Самый что ни на есть! Двойников нам не надо...

От долгого пребывания в затхлых подземных катакомбах гитлеровского бункера у них ломило голову и появилась резь в усталых глазах. Бесконечные коридоры, похожие на лабиринт, темные закоулки, потайные комнаты... Казалось, им не будет конца. Кое-где горел свет, и тут же – зловонная мгла.

Всюду следы торопливого бегства – полы завалены бумагой, растрепанными книгами, фотографиями и открытками с отпечатками подошв, сброшенной второпях офицерской формой, разноразмерными сапогами, щегольскими парадными фуражками со свастикой и солдатскими пилотками... В одной из комнат они нашли множество красных бархатных футляров, внутри которых были Железные кресты. В другой – горы книг «Майн кампф». Сверху лежала переносная аптечка в футляре из дорогой толстой коричневой кожи и белый металлический ящик, осторожно открыв который они определили, что это был прибор для определения газового состава воздуха – загнанные под землю обитатели бункера боялись, что их будут выкуривать из бункера, как отравленных зверей.

– Запах тут, – поморщился капитан Карпович.

– Нормальный запах для преисподней, – усмехнулся в ответ майор Ребров. – Логово фашистского зверя как-никак. А ты хотел, чтобы тебе здесь розами пахло?

Майор Денис Ребров и капитан Михаил Карпович входили в одну из оперативно-разыскных групп, которые были созданы по приказу Москвы сразу после вступления советских войск в Германию специально для розыска и захвата фашистских главарей. Когда ворвались в Берлин, их спецгруппу, подчинявшуюся напрямую генералу Филину, переориентировали непо-

средственно на поиски самого Гитлера либо его трупа в подземном бункере под рейхсканцелярией.

Ребров и Карпович были еще молоды, но за плечами у обоих были уже годы войны, оперативной работы, сложнейших разведопераций. В их слаженном дуэте Ребров всегда был ведущим, но добродушного и исполнительного Карповича это ничуть не задевало. Ребров успел буквально в день начала войны окончить университет, владел немецким, начальство ценило его за аналитические способности, умение быстро соображать и принимать неожиданные самостоятельные решения. Все знали, что начальник Управления разведки генерал Филин питает к нему особые симпатии. И правильно делает, считал Карпович, таких, как Ребров, искать надо. Быть ему генералом. Сам же Карпович не мог дожидаться, когда сможет вернуться к своим гражданским делам – до войны он начал преподавать автодело в техникуме, обзавелся невестой...

Ударом ноги Карпович распахнул очередную дверь, заглянул в небольшое помещение и невольно отшатнулся.

Посреди комнаты стоял стол, накрытый белой скатертью. Прямо на скатерти лежал покойник в черной парадной форме эсэсовского офицера. Его начищенные сапоги сияли мертвенным блеском.

– Не трогай, – предупредил Ребров, заглядывая в комнату через плечо Карповича. – Может быть заминирован. Уж больно хорош...

Они осторожно обошли труп.

– Пулевое отверстие в виске, – заметил Карпович.

– Вижу. Черт его знает, кто это, но точно не Гитлер... Давай отметь дверь, потом предупредим саперов.

– Да уж, помирать после войны никому неохота, – пробормотал Карпович, рисуя на двери мелом огромный крест.

– Когда же нас с тобой домой отпустят, а? – уже в который раз спросил Карпович, отбрасывая ногой в сторону валявшийся по полу парадный френч какого-то фашистского бонзы. – Неужели, пока всех Гиммлеров не переловим, будем тут торчать?

– Ты же сам всю войну мечтал до них добраться...

– Мечтал, а теперь что-то домой потянуло. Да как!

Карпович вдруг оживился:

– Слушай, а что бы ты с ним сделал, если бы мы его нашли? Представляешь – открываем вот эту дверь – а там Гитлер сидит... Живой. Собственной персоной! Вот что бы ты с ним сделал, а? Только честно!

– Вот найдем – увидишь, – отмахнулся Ребров. – Давай открывай.

Карпович привычным ударом ноги распахнул очередную дверь, и в свете лучей фонариков они увидели сидящего на полу мужчину в немецкой форме. Он закрывал лицо руками от слепящих лучей.

– Руки вверх! – свирепо проорал Карпович, наставив на немца автомат.

Тот, не вставая, послушно поднял руки. Видно было, как его колотит от страха. Потом он неуклюже встал на четвереньки, а затем на колени. И застыл так – на коленях с поднятыми руками.

– Не стреляйте! Я без оружия. Только не стреляйте!

Ребров быстро оглядел комнату и невольно поморщился.

– Ну и дух тут у тебя! Давно тут сидишь?

– Не знаю, несколько дней...

– Миш, води его в другую комнату, пока мы тут не задохнулись...

Заведя немца в комнату, где сохранилось несколько стульев и стол, Карпович усадил немца на стул посреди комнаты. Сам сел по-начальственному за стол, смахнул с него брезгливо на пол бумаги и какие-то фотографии, положил перед собой автомат и тяжело уставился на пленного. Ребров скромно пристроился на стуле у двери. В их действиях чувствовалась четкая слаженность, за которой были уже десятки допросов, которые они провели вместе.

– Ты кто? – грубо спросил Карпович.

– Рядовой Иохим Фиш, господин офицер.

– Где служил?

– Бегляйткоммандо СС «Адольф Гитлер»...

Карпович и Ребров многозначительно переглянулись.

– Значит, ты был телохранителем Гитлера? – уточнил Ребров.

Фиш повернулся к нему. На его заросшем щетиной, грязном лице было написано желание отвечать на вопросы как можно более подробно и толково.

– Я занимался связью – передавал депеши, письма, газеты... Выполнял какие-то личные поручения... Последнее время я был телефонистом, работал на коммутаторе...

– Где сейчас Гитлер? Куда он бежал? Как? Кто ему помогал? – резко оборвал его Карпович.

– Гитлер застрелился, господин офицер!

– Лжешь! Всем известно, что в бункере был двойник Гитлера, а сам он бежал из Берлина. Куда?.. Мы задержали его личного пилота, он сказал, что ты все знаешь!.. Ганс Баур, личный пилот Гитлера, его ты знаешь?

– Конечно, я знаю Ганса Баура, но...

– Никаких но! Или ты признаешься, или мы тебя просто расстреляем! Прямо сейчас, здесь!.. Как Гитлер бежал из Берлина? Кто ему помогал? Кто был вместе с ним?

Немец, послушно державший руки на коленях, задрожал. Было слышно, как он судорожно, мелкими глотками втягивает в пересохшее горло воздух.

Ребров встал и подошел к немцу. Тот боязливо втянул голову в плечи и закрыл глаза.

– Да, а что за труп лежит в комнате у пожарного крана? – негромко спросил Ребров.

– Это Трушке, господин офицер. Он застрелился.

– От страха? Или был слишком идейный – не мог пережить гибели тысячелетнего рейха?

– Нет, из-за жены.

– Из-за чего? – не смог сдержать изумления Карпович.

– Из-за жены. Она у него беременна, должна рожать скоро, а он вдруг узнал, что ребенок не от него. Что жена ему изменила... Он надел парадный мундир и...

– Ничего себе история из жизни эсэсовца, – помотал головой Карпович. – Прямо романс какой-то.

– Пошли, – приказал Ребров немцу.

Тот попытался встать и не смог.

– Вы меня расстреляете?

– Мы – нет, – отмахнулся Ребров.

– Зажарим и съедим, – хохотнул Карпович. – Слушай, Ребров, пошли вверх! Там допросим. Не могу я уже тут находиться! Мутит!

Они вышли в коридор и успели сделать всего несколько шагов, когда по ним лупанула автоматная очередь. В узком коридоре грохот выстрелов разрывал уши.

Фиш, который шел впереди, схватился за плечо и рухнул на пол. Ребров и Карпович упали рядом. Коридор сотрясла еще одна длинная очередь. А потом наступила тишина.

Из-за угла появилась полусогнутая фигура с немецким автоматом в руке. Крадучись и приседая, она направилась в их сторону. Когда до Фиша оставалось несколько шагов, грохнули выстрелы. Стрелял Ребров, перевернувшись на спину и держа пистолет двумя руками.

Фигура дернулась, завалилась на бок и замерла на полу.

Ребров, не переворачиваясь, спросил:

– Карпович! Мишка, ты как?

Карпович едва слышно простонал в ответ.

Ребров, не прекращая стрельбы, перевернулся на живот, потом привстал, продолжая сажать одну пулю за другой в нападавшего. Когда патроны кончились, он бросился к Карповичу. Тот лежал на спине, уставившись померкшими уже глазами в потолок, на губах у него пузырилась кровавая пена.

– Достали, гады... после войны... – чуть слышно прошептал он, уже не в силах разлепить запекшиеся губы. – Не увижу...

Пошатываясь и жмурясь от дневного света, из подвального окна во дворе разрушенной до основания рейхсканцелярии с трудом выбрался трясущийся Фиш. Какое-то время он просто стоял и, щуря глаза, глубоко дышал. Вскоре в окне показалось застывшее лицо Реброва. Увидев его, Фиш бросился к Реброву и, пытаясь помочь ему выбраться из подвала, стал протягивать руки, торопливо бормоча:

– Я здесь, господин офицер! Я не собираюсь никуда бежать! Я не знаю, кто там стрелял... Не убивайте меня! У меня жена и маленькая дочь!..

Ребров обвел глазами горящий, перепаканный снарядами и бомбами двор, разрушенные стены. Он словно не понимал, где находится.

Из подъехавшего пыльного «виллиса» выскочил немолодой уже мужчина в офицерской форме, которая не могла скрыть совершенно гражданской конституции его узкоплечей и нескладной на вид фигуры. Это был генерал Филин. Суровое лицо, изрезанное глубокими морщинами, с загадочным взглядом почти прозрачных серых глаз, очень диссонировало с его неловкой внешностью.

– Денис!

Ребров обернулся. Губы его дергались. Он с трудом выговорил:

– Мишку... Карповича... убили...

– Кто?

– В подвале рейхсканцелярии... Придурок какой-то вдруг выскочил...

– Этот? – поднял Филин глаза на Фиша.

Немец съежился от ужаса, поднял руки и отчаянно замотал головой.

– Нет, – опустил голову Ребров. – Этот сдался... Он сидел там несколько дней один, боялся высунуться. Он из «Бегляйкоммандо», был с Гитлером до самого конца...

– Ну!.. Значит, есть о чем поговорить...

Ребров вяло пожал плечами.

– Товарищ генерал... Мишку надо вытащить оттуда, я пойду за ним...

– погоди, я тебе солдат дам, – крикнул ему вслед Филин.

Ребров, словно не слыша, молча полез в подвальное окно.

– Быстро за ним, – скомандовал Филин двум автоматчикам, сопровождавшим его. – И осторожнее там!

Постскриптум

«Точка зрения британского правительства о нецелесообразности организации формальных судебных процессов в отношении главных преступников войны остается неизменной. Однако, если США и СССР держатся другой точки зрения и считают целесообразным применение такого порядка ответственности, британское правительство готово с этим согласиться.

Однако необходимо иметь в виду, что на оккупированной территории Германии должны быть созданы военные суды для разбора дел рядовых нацистских преступников, совершавших преступления на территории Германии».

Из материалов Совещания по вопросу о наказании военных преступников, 3 мая 1945 года, отель «Фермонт», Сан-Франциско.

Глава III Пасьянс дьявола

Фиш, привычно уже приняв стойку «смирно», поедал глазами сидящего за столом Филина, как поедал еще несколько дней назад Гитлера, Геббельса, Гиммлера...

Филин, подняв на него свои прозрачные глаза, неожиданно мягко спросил:

– Год рождения?

– Тысяча девятьсот двадцатый! – молодежато отпарировал Фиш.

– Двадцатый... Совсем молодой. Зачем тебе погибать, солдат? У тебя вся жизнь впереди.

Ты должен быть счастлив, что остался жив в этой мясорубке. У тебя есть семья?

– Жена и дочь, господин генерал...

– Жена и дочь... Ты должен чувствовать свою ответственность перед ними.

– Так точно. Я чувствую, господин генерал. Я готов на все, чтобы увидеть их!

– Ну, вот и хорошо. Итак, ты был с Гитлером до самого конца в его бункере и готов поклясться, что это был именно Адольф Гитлер, а не его двойник?

– Так точно, господин генерал. Он, конечно, сильно сдал в последнее время, но это был он.

– Сколько лет ты провел рядом с ним?

– С мая тысяча девятьсот сорокового.

– Ну что ж, вполне достаточно, чтобы отличить настоящего Гитлера от двойника, не правда ли?

– Так точно!

– Значит, ты не мог ошибиться? И если вдруг выяснится, что Гитлер все-таки бежал, скрылся, получится, ты солгал и покрываешь его... Ты понимаешь это? Понимаешь, что тебе за это будет?

– Так точно.

– И...

– Он покончил с собой. Это было 30 апреля. Мы с ним встретились случайно в коридоре. Он прошел мимо, ничего не сказав... Через какое-то время они с Евой Браун попрощались с самыми близкими людьми и удалились в комнату. А в коридоре раздался крик: «Линге! По моему, все!»

– Кто такой Линге?

- Камердинер Гитлера.
- Ты сам слышал выстрелы?
- Нет.
- Где ты находился в это время?
- В помещении коммутатора.
- Один?
- С Хентштелем и Рецлавом.
- Кто это?
- Гражданские работники бункера. Потом была мертвая тишина. Не выдержав, я выглянул в коридор и увидел, как Линге и Гюнше, адъютант Гитлера, вошли в гостиную, где находился фюрер. Гитлер сидел на диванчике возле стола, уронив голову на грудь. Рядом с ним сидела Ева Браун, поджав ноги и склонив голову к самым коленям. На ней было синее платье с белым воротничком в форме цветочков...
- Цветочки, значит... Ты заходил внутрь комнаты?
- Нет.
- Как далеко ты находился от тела Гитлера?
- Метрах в шести.
- Что было потом?
- Мне стало не по себе, я хотел уйти, но потом вернулся. Тело Гитлера уже лежало на полу. Рядом стояли люди из его охраны. Они подняли его и завернули в серое одеяло. Потом они вынесли его через запасной выход. Из-под одеяла торчали его ботинки... Потом ко мне подбежал Рецлав и сказал: «Шефа жгут! Пошли, поднимемся, посмотрим!» Он был очень возбужден, как безумный... Мы все были в таком состоянии...
- И?
- Я отказался наотрез.
- Почему?
- Я... я не хотел это видеть. А потом... Мы там все были просто парализованы страхом. Мы ничего не соображали. Я только помню, что боялся, что «гестапо Мюллер», как мы его называли, пристрелит нас на месте, чтобы не оставалось свидетелей.
- То есть шеф гестапо Генрих Мюллер был в это время там? В бункере?
- Да, я его видел там незадолго до всего этого... Я же говорю, мы в бункере вообще боялись, что секретные службы нас всех перебьют, чтобы замести все следы.
- Филин задумчиво помолчал.
- В бункере после смерти оставался еще и Геббельс...
- Да, господин генерал, он жил там с семьей, и его дети – их шестеро – бегали по бункеру, смеялись, шалили, и в той обстановке это было жутко... 26 апреля, я хорошо помню этот день, Ханне Райч, она легчик-испытатель, удалось посадить легкий самолет прямо у Бранденбургских ворот на Унтер-ден-Линден...
- Ну да, именно для этого оттуда убрали фонари...
- Я слышал, как Ханна Райч уговаривала жену Геббельса отпустить с ней детей. «Если хотите, оставайтесь здесь, – говорила она. – Но при чем здесь дети!» Но Магда сказала, что они с мужем все решили. Что у них есть свои представления о будущем детей... А дети в это время шалили в соседней комнате...
- Когда вы видели Геббельса последний раз? При каких обстоятельствах?
- Мы знали, что он решил покончить жизнь самоубийством в бункере вместе с женой и детьми.
- Убив собственных детей.
- Да, наверное, так будет правильнее. Потому что дети были от четырех до двенадцати лет и ничего еще не понимали. Я же говорю, они все время шалили... Первого мая вечером Магда

вышла из своей комнаты, прошла мимо меня, а я сидел у коммутатора с открытой дверью, на глазах у нее были слезы. Потом она села и стала раскладывать пасьянс. А потом из ее комнаты вышел Геббельс... Он стоял и смотрел на свою жену... Спросил: «Что ты делаешь?» Она, не глядя на него, ответила: «Раскладываю пасьянс».

– А перед этим она отравила своих детей. Всех шестерых...

– Да, господин майор. Я не представляю себе, как это можно было сделать!.. А потом к ним зашел Артур Аксман, шеф гитлерюгенда, и они просто болтали, вспоминали прошлое... А Магда готовила кофе... А дети...

– Дети лежали в соседней комнате, отравленные собственной матерью.

– Да... И тогда я решил уходить. Ко мне подошел Геббельс, и я сказал ему об этом. Он сказал, что все кончено. И пожал мне руку. Первый раз в жизни, раньше такого с ним никогда не случалось.

– Я не стал бы этим гордиться.

– Просто я хочу, чтобы вы мне поверили, господин генерал. Поверили, что я ничего не скрываю и рассказываю только правду... Я попрощался с ним молча. Я был последним солдатом, который покинул это настоящее царство смерти.

– То есть при самоубийстве Геббельса ты не присутствовал и трупов их не видел...

– Нет.

– А Борман? Ведь он тоже был там до самого конца.

– Да. Он собрал группу людей, и они решили пробиваться из Берлина на запад. Там было несколько офицеров, но я не пошел с ними... Я все равно был для них никто – кто я такой? Господин генерал, поверьте, я просто передавал депешки, письма, газеты, работал телефонистом... Мои обязанности заключались в том, чтобы быть под рукой, но всегда незаметно. Я не был членом партии, не входил в гитлерюгенд, я просто выполнял свою работу солдата. Выполнял честно...

– А если бы тебе приказали кого-то убить? – усмехнулся Филин. – Расстрелять?

– Мне не могли приказать такое. Для этого были другие люди. Я же выполнял иные обязанности. Например, разносил рождественские подарки от Гитлера знаменитым людям. Боксеру Максу Шмеллингу, актрисе Ольге Чеховой... Удивительно красивая женщина. Гитлер ее очень ценил...

– А где она живет?

– Кладов, это пригород Берлина, там у нее особняк...

«Вряд ли врет, – устало подумал Филин, – слишком напуган, очень хочет жить. Да и ума в нем не палата, чтобы лгать. Говорит о том, что видел. Другое дело, что видел он далеко не все. Кто знает, что там, в комнате Гитлера, произошло и чьи ботинки торчали из-под одеяла...»

«Виллис» генерала Филина, пропетляв по разрушенному дымящемуся Берлину, вырвался на прямое шоссе и вскоре остановился у группы наших солдат, лениво покуривавших на солнце. В нескольких шагах от них, прямо на земле, опустив голову, сидел немец средних лет в гражданской одежде.

Филин и Ребров, выбравшись из машины, направились к ним. Увидев офицеров, солдаты побросали самокрутки и папиросы.

– Ну, что тут у вас? – нетерпеливо спросил Филин.

– Товарищ генерал, разрешите доложить, – бросился к нему навстречу молодой сержант с усами, явно кавказец. – Вот задержали тут этого фрица. Обратили внимание, что он тут крутится уже не первый день. Вроде что-то высматривает... Подозрительный очень... Явно бывший военный...

Филин повернулся к Реброву.

– Поговори с ним, Денис.

Пока Ребров допрашивал немца, Филин рассеянно смотрел по сторонам, думая о чем-то своем.

– Товарищ генерал! – подошел к нему поближе сержант-кавказец. – Разрешите обратиться?

– Да, сержант, что у вас? – вздохнул Филин.

– Скажите, а Гитлер действительно застрелился? Или отравился? А то говорят, что он улетел на самолете, а вместо него охрана его двойника застрелила и сожгла...

– Говорят, – устало кивает Филин.

Солдаты внимательно прислушивались к их разговору.

– А еще говорят, он добрался до моря, там его ждала подлодка, и его увезли в Антарктиду, где ему логово приготовили...

– В Антарктиду, значит? – усмехается Филин. – К пингвинам?

– Говорят, товарищ генерал.

– Знаю, что говорят. Слышал. Пока обнаружено несколько трупов, среди которых должен быть и труп Гитлера. Устанавливают, какой именно его.

– Понятно, товарищ генерал. Не дай бог, сбежал, сволочь!

– Да не должен был...

Подошел Ребров.

– Ну? – подняв брови посмотрел на него Филин.

– Черт его знает! Говорит, что ему здесь назначил встречу знакомый, хотел сообщить что-то важное, но не явился... Что именно хотел сообщить, он не знает.

Ребров огляделся.

– Место какое-то странное для встречи – рядом с дорогой... А это что за штуковина?

Ребров отошел в сторону и ткнул носком сапога в торчащий из земли среди развалин какой-то небольшой постройки металлический рычаг.

– Рычаг какой-то!

Он несколько раз сильно дернул за рычаг. Сначала одной рукой, потом двумя.

– Осторожно, Денис! – остановил его Филин. – А если мины?

Но было уже поздно. За их спинами раздался нарастающий скрежет, и часть асфальтового покрытия дороги стала медленно сдвигаться в сторону, открывая темный тоннель, ведущий под землю. Солдаты, раскрыв рты, с изумлением уставились в открывшуюся дыру. Ребров вскочил и бросился к немцу.

– Что там? Что там, я тебя спрашиваю?

– Я не знаю! Не знаю! Генрих мне ничего не говорил... – стал отчаянно оправдываться немец. – Я не знаю!

– Ну, давайте посмотрим, – спокойно сказал Филин. – Это может быть подземный аэродром, вчера о таком говорил на допросе человек из охраны Гитлера. Да и не только он... Только внимательно – не хватает наткнуться на придурков с автоматами...

Спустившись по идущему наклонно вниз тоннелю, они попали в огромное подземное помещение, где стояли три легких самолета.

– Ну точно для Гитлера готовили! – ахнул кто-то из солдат.

– Взлетать они, видимо, должны были с шоссе, используя его как в взлетную полосу, – прикинул Филин.

Солдаты продолжали спорить о Гитлере.

– Точно, отсюда Гитлер мог улететь!

– А сюда-то он как попал? Из своего бункера? На карачках, что ли?

– А по подземному ходу! Там этих ходов – видимо-невидимо. Я-то там был, знаю...

Прервав их разговор, Филин подозвал к себе сержанта и спокойно сказал:

– Так, сержант, остаешься за главного. Никого не пускать. Сейчас сюда приедет группа из «СМЕРШа» с саперами, они все осмотрят... Пусть ищут и подземные ходы. Этого, – он кивает на немца, – отдадите им.

– Есть, товарищ генерал!

– Поехали, Денис. Живых здесь нет. А с остальным без нас разберутся...

Постскриптум

Согласно оперативным данным, полученным разведывательно-поисковыми группами, обслуживающий персонал аэродрома Травемюнде в последние недели войны получил приказание постоянно держать в полной готовности четырехмоторный самолет, способный вместить большое количество горючего. Самолет мог быть предназначен для бегства Гитлера в Японию. На нем могли поместиться только три пассажира. Очевидно, Гитлер с Евой Браун и кто-то из самых близких ему людей. Кроме этого самолета, на тайном аэродроме в полной готовности находились еще три гидроплана...

Глава IV Дешевые фокусы

Несколько солдат 110-й американской парашютной дивизии под командованием офицера с усиками, как у Кларка Гейбла, и с теми же ухватками южного джентльмена медленно продвигались на двух джипах по петляющей горной дороге в Баварских Альпах. Путь им указывал пожилой немец в баварской шляпе. Положив руки на колени, он сидел на заднем сиденье переднего джипа между двумя солдатами. Баварец был любезен и услужлив до приторности, но американцам это нравилось. К тому же они уже привыкли к тому, что немцы ведут себя так.

– Мы уже почти добрались, господин офицер, – доложил баварец. – Вон за тем поворотом этот дом.

– Он там один? – поинтересовался американец.

– Не могу знать, господин офицер, я не входил внутрь.

– А оружие? У него есть оружие?

– Простите, господин офицер, но я этого тоже не знаю.

Наконец дорога уперлась в одноэтажный деревянный дом. Солдаты выпрыгнули из машин, негромко переговариваясь, окружили дом, держа наготове автоматы.

Из дома не доносилось ни звука. Офицер подал знак, и двое солдат вышибли дверь и ворвались в дом.

В полутемной комнате на деревянной кровати лежал мужчина в гражданской одежде, заросший бородой. Он просто лежал с открытыми глазами, тупо уставившись в потолок.

– Руки вверх! Оружие! Оружие есть?

Бородатый с трудом сел и испуганно поднял руки. Потом отчаянно затряс головой. Его то ли била нервная дрожь, то ли трясло жуткое похмелье – на столе, на полу всюду стояли и валялись пустые бутылки.

– Это все ваша работа? – кивнул с недоверчивой ухмылкой на бутылки офицер.

Бородатый смотрел на него, открыв рот, совершенно бессмысленными глазами. Похоже, он просто не понимал, о чем его спрашивают.

– Это он? – кивнул американец на бородатого, обращаясь к проводнику-баварцу.

– Яволь, господин офицер, – вытянулся тот. – Так точно.

Американец повернулся к бородатому. У того устало упали вниз плохо слушавшиеся его руки.

– Ладно, руки можете не поднимать, – смиловился офицер. – Вы доктор Роберт Лей? Бородатый пьяно замотал головой.

– Это ошибка.

– Ошибка, значит. А кто же вы?

– Я... доктор Эрнст Достельмайер. Вы ошибаетесь... Я не знаю никакого доктора Лея!

Офицер повернулся к проводнику. Тот опять вытянулся по команде «смирно».

– Не верьте ему, господин офицер! Это он, доктор Лей! Тот самый... Как вам не стыдно, доктор Лей, найдите в себе мужество!

Но бородач только тупо мотал головой.

– Я доктор Достельмайер. У меня есть документы.

– О'кей, – завершил бессмысленную дискуссию американец. – Доктор как вы там... Сledуйте за нами!

– Вы заблуждаетесь, господин офицер, – жалостливо забормотал бородатый.

– Ладно, разберемся, когда протрезвеете...

В штабе американской дивизии уже другой офицер брезгливо слушал несколько протрезвевшего, но продолжавшего стоять на своем бородача.

– Вы ошибаетесь, – монотонно твердил он. – У меня есть документы. Я доктор Достельмайер. Почему вы мне не верите?

– Потому что вы лжете! – взорвался американец. – У нас есть все основания считать, что вы Роберт Лей – генерал войск СА, руководитель Центральной инспекции по наблюдению за иностранными рабочими. Один из самых близких к Гитлеру людей. Вы пользовались особым доверием своего фюрера!

– Это какая-то чудовищная ошибка! Чудовищная...

– Господи, – не выдерживает американец, – и такие люди держали за горло весь мир! Не будьте слизняком! Неужели вы надеетесь так дешево провести нас? У вашего друга Гимmlера тоже были замечательные документы на имя какого-то там Генриха Хицингера... Вся разница между вами только в том, что вы отпустили бороду, а Гимmlер сбрил свои поганые усишки и нацепил на один глаз черную повязку... Неужели вы думаете, что такие дешевые фокусы позволят вам скрыться?

– Это ошибка, это ошибка, – как заведенный, раскачиваясь взад-вперед, бормотал Лей. – Это все очень большая ошибка. Очень большая ошибка.

– Ну-ну...

Американец встал, распахнул дверь и впустил в комнату аккуратно одетого старичка-немца, державшего в руке шляпу. Лей затравленно посмотрел на него и отвернулся.

– Доктор Лей! И вы тут! – воскликнул старик. – Что вы тут делаете?

– Хороший вопрос, – засмеялся офицер. – Валяет дурака наш доктор Лей. Неизвестно на что надеясь. Разрешите представить, доктор Лей. Перед вами Франц Шварц, бывший казначей вашей национал-социалистской партии, знакомый с вами много лет. А там за дверью еще и его сын, с которым вы вместе работали...

Лей схватился обеими руками за виски, что-то забормотал.

– Ну, будете продолжать? Или закончим этот дерьмовый спектакль? Вы же генерал, так ведите себя соответственно.

– Все, – выдохнул Лей. – Все. Хватит. Я действительно доктор Лей...

– Так-то лучше, – презрительно бросил американец. – Вы арестованы, доктор Лей. Американское командование решит, что с вами делать. Кстати, на прощание вам мой совет. Когда в тюрьме вы окончательно протрезвеете, подумайте над ним. Подумайте хорошенько. А совет

мой таков... Скоро вам зададут много вопросов, так отвечайте на них честно. Абсолютно на все вопросы. Абсолютно все. Прекратите валять дурака и помните, что ваша жизнь целиком в наших руках. И нам решать, что с нею делать. Вам остается только отвечать на наши вопросы.

Постскриптум

Как сообщил агент советской разведки в США Гектор, в Германию из США направлена специальная группа медиков и ученых, которые должны тщательно и подробно (не раскрывая при этом интереса перед другими союзниками) фиксировать все, что относится к экспериментам медиков СС и гестапо с применением препарата мескалина, получаемого из эссенции пейотового кактуса. Опыты проводились над заключенными, в первую очередь русскими, в концентрационном лагере Дахау. Цель – найти средство подавить волю, парализовать психику человека, изменить его поведение в нужном направлении.

В Америке создано особое «Подразделение 19», которое должно, используя полученные немцами результаты, создать всевозможные препараты для особо засекреченной американской агентуры, находившейся за пределами США. Речь об оружии специального назначения – химических, биологических и психологических средств воздействия.

Глава V Выход королевы

Ребров выбрался из большого черного «хорьха», на котором еще недавно разъезжала какая-то гитлеровская шишка, и оглядел симпатичный двухэтажный особняк, возвышавшийся среди небольшого аккуратного сада. Дом совершенно не пострадал ни во время бомбежек, ни во время штурма и выглядел как-то даже несуразно мирно и добропорядочно на фоне разнесенного в щебень и пыль Берлина. Впрочем, в Кладове, этом отдаленном районе немецкой столицы, таких домиков сохранилось немало.

Удивлял только довольно глубокий окоп метра три в длину, отрытый в саду рядом с невысоким забором. Ребров с некоторым изумлением оглядел его, потом направился к дому.

Дверь почему-то была открыта. На всякий случай Ребров все-таки постучал, а потом решительно вошел внутрь.

В большой комнате спиной к окну, обхватив плечи руками, стояла высокая стройная женщина со светлыми волосами. Свет, лившийся из окна, придавал картине некоторую нереальность – женщина словно была на сцене театра, а Ребров с восхищением смотрел на нее из тьмы зрительного зала.

Какое-то время женщина молчала, словно давая восхититься собой. Восхититься и впрямь было чем. Ребров вдруг почувствовал не то чтобы робость, а некое смущение, и разозлился на себя – нашел время и место! Она всю сцену наверняка уже не раз отрепетировала и позицию подобрала самую выигрышную.

– Добрый день, – неприятным сухим голосом сказал он. – Майор Ребров...

– Очень приятно. А я...

– Я знаю, кто вы.

– Вот как?

– Вы – Ольга Чехова... Актриса.

Чехова с улыбкой наклонила голову.

– Вы что же – всегда живете с открытой дверью? – все так же неприязненно поинтересовался Ребров. – Не боитесь?

– Боюсь. Очень боюсь. Вы не представляете, как страшно было в Берлине в последнее время... Но я увидела, как подъезжает ваша машина, вот и приготовилась.

Ребров огляделся. На книжных полках на самом видном месте он неожиданно разглядел несколько русских икон.

– Они что, всегда стояли у вас на самом видном месте? И при Гитлере тоже?

– Если честно, при Гитлере нет. Когда я ставила их, у меня была вполне определенная мысль: «Придут русские, они не станут сразу стрелять, увидев их», – призналась Чехова.

– А окоп в саду – это тоже для встречи русских? Собирались отстреливаться?

Чехова покачала головой.

– Его выкопали сумасшедшие из фольксштурма, которые в последние дни ходили тут в поисках трусов, предателей и дезертиров. А из этого окопа они действительно собирались обстреливать русские танки...

– Видимо, Гитлер действительно обладал даром обращать людей в сумасшедших, – скринулся Ребров.

– Пожалуй, – мягко согласилась Чехова. – Можете себе представить, еще несколько дней назад все в Берлине верили, что приближается армия генерала Венка, которая должна всех спасти, применив какое-то «чудо-оружие»... И русские сразу будут «обращены в бегство»! Сейчас даже странно это вспоминать... Странное было время. Нереальное.

– Никак не могу понять только, чем же вас, немцев, Гитлер очаровал... Может, вы, любимая актриса Гитлера, объясните? Говорят, вы были с ним близки. Он присылал вам подарки.

– С чего вы это взяли?

– В нашей ситуации в ответ обычно говорят: вопросы здесь задаю я.

– Ну, как вам будет угодно, – легко согласилась Чехова. – А что касается Гитлера... Когда я первый раз его увидела, он наговорил мне комплиментов за фильм «Пылающая граница». Я играла там польскую революционерку. Мое первое впечатление о нем?... Робкий, неловкий, хотя держит себя с дамами с церемонной австрийской любезностью. В общем, ничего «демонического», заволашевающего или величественного. Кстати, это впечатление разделяли многие, кто сталкивался с Гитлером в узком кругу.

– А как же толпы людей со слезами на глазах, мечтающих поцеловать ему руку? Готовых отдать жизнь за него? Способных на любые преступления по его приказу?

– В том-то и дело... Я думала об этом, – призналась Чехова. – Поразительно, почти непостижимо его превращение из разглагольствующего зануды в фанатичного вождя, когда он оказывался перед людьми и начинал говорить. Что-то там пылало у него внутри, что-то безумное, не поддающееся нормальному объяснению. Он и впрямь буквально воспламенял людей.

– Немцев. Только немцев. Я видел его в хронике, мне было только смешно и противно. Он в это время актерствовал? Притворялся?

– Нет. Ему бы тогда никто не поверил. Такое нельзя сыграть. Это я вам говорю как актриса. Какая-то темная сила вселялась в него в эти мгновения. Откуда она бралась, я не знаю. Но мне казалось, что он впадал в состояние транса...

– Он мог застрелиться? Сам? Убить себя?

– Не знаю... Я не знаю, что с ним происходило в последнее время. Говорили, что он сильно изменился.

– Понятно.

Ребров побарабанил пальцами по столу.

– А теперь, госпожа Чехова, предлагаю вам немного прокатиться...

– Насколько я понимаю, возможности отказаться у меня нет... Что ж, я даже не буду спрашивать, куда вы меня повезете. Ведь вопросы тут, в моем доме, теперь задаете вы.

- Вы все правильно понимаете.
- Я вообще, в отличие от многих актрис, неглупая женщина.
- Именно это меня и настораживает, – признался Ребров.

Чехова прошла мимо него к двери. Легкий, но кружащий голову запах ее духов обдал его словно порыв свежего морского ветра.

Постскриптум

Из письма американского юриста, находившегося в Германии: «Под внешней видимостью смирения и покорности, в особенности когда их не было необходимости проявлять, встречавшиеся нам на улицах немцы вели себя не просто оскорбительно высокомерно, но даже зачастую дерзко по отношению к своим победителям. Когда американцы спрашивают у них, как пройти по какому-то адресу, чаще всего в ответ они слышат что-нибудь вроде: «Это где-то там, за развалинами...»

Глава VI

Мистические обстоятельства

Филин сидел за столом в своем просторном кабинете в пригороде Берлина Карлхорсте, где расположилось командование советских войск, и читал «Правду». Вернее, в который раз перечитывал хорошо уже знакомый текст.

«Вчера вечером германское командование распространило сообщение так называемой Главной ставки фюрера, в котором утверждается, что 1 мая после полудня умер Гитлер... Указанные сообщения германского радио, по-видимому, представляют собой новый фашистский трюк: распространением утверждения о смерти Гитлера германские фашисты, очевидно, надеются предоставить Гитлеру возможность сойти со сцены и перейти на нелегальное положение...»

Н-да, понимай как хочешь... Ясно, что текст согласован на самом верху и продиктован хитроумными политическими соображениями. При этом Филин знал, что Сталину доложили о самоубийстве Гитлера рано утром 1 мая, ровно в четыре часа... Доложил маршал Жуков, и Сталин сказал: «Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?» Ему доложили, что труп сожжен.

То есть и Сталин, и Жуков были уверены, что Гитлер мертв и теперь остается только найти труп. И вот после этого в «Правде» такие заявления... А через несколько дней, отвечая на вопрос американского журналиста о том, что случилось с Гитлером, Жуков сказал: «Обстоятельства просто мистические. Мы пока не идентифицировали труп Гитлера. Не нашли его. Поэтому я не могу сказать ничего определенного о его судьбе. Он мог в последний момент улететь из Берлина, так как взлетные полосы позволяли это сделать». А комендант Берлина генерал Берзарин добавил: «Мы нашли всевозможные трупы, среди которых, может быть, находится и труп Гитлера. Но не можем точно утверждать, мертв ли он...»

Сам Филин, перед которым в последние дни прошли десятки людей из окружения Гитлера, от высших офицеров и врачей до курьеров и водителей, был уверен, что Гитлер мертв и сожжен. Он был абсолютно убежден, что Гитлер пребывал в последние дни в таком состоянии, что просто не мог физически покинуть свой подземный бункер, да еще окруженный нашими войсками и поливаемый морем огня. Как сказал один из допрошенных, даже если бы для него расчистили дорогу к свободе, то у него не было сил ею воспользоваться. Этот человек уже не мог жить...

Но Филин понимал и другое – Гитлер фигура такого масштаба, что вокруг нее не может не клубиться множество самых фантастических слухов. И Москва не могла не требовать «тщательной и жесткой проверки всей группы фактов о судьбе Гитлера». А с другой стороны, Москва не могла отказаться от политической игры вокруг смерти фюрера. Надо было посмотреть, какие силы постараются играть на возможном бегстве Гитлера, как поведут себя в этой ситуации союзники, которые вели свою многомудрую и сложную, запутанную игру.

Судя по донесениям наших агентов, в американском и английском правительстве и военном аппарате было значительное число тех, кто был против суда над германскими генералами и промышленниками, свалив всю вину на мертвого Гитлера. Эти люди выступали за «гуманный» и «милостивый» суд, призывали отказаться от «мести» своим бывшим врагам... Конечно, им нужен был только мертвый Гитлер. История с Гиммлером, которому захватившие его американцы позволили отравиться, на многие размышления наводит. Обыскали, раздели, нашли одну ампулу с ядом, а в рот заглянуть, видите ли, не догадались! Хотя всем давно известно, что фашистские главари себе ампулы именно в зубы врезали. Может, просто не хотели, чтобы Гиммлер рассказал о тайных переговорах в конце войны...

В этот момент в дверь постучали, и вошел Денис Ребров.

– Вызывали, товарищ генерал?

– Садись, разговор есть.

У генерала Филина действительно было особое отношение к Реброву. Во-первых, он присматривался к нему еще в те времена, когда Ребров учился в Ленинградском университете. Поиски людей, способных работать в разведке, шли постоянно, и Филин в свое время отыскал немало способных ребят, которые потом пошли в разведшколы. А во-вторых, Филин считал, что поколение, к которому принадлежал Ребров, поколение тех, кто родился сразу после революции, поколение особое, выдающееся. Это были молодые люди действительно с горящими сердцами, свято уверенные, что лучше никто на белом свете не умеет смеяться и любить, действительно готовые на подвиг и на труд, верные самым высоким идеалам. Сам Филин, родившийся за двадцать лет до революции, испытал и пережил слишком многое и многих, чтобы быть похожим на них. Но именно в появлении такого поколения, таких ребят, он видел оправдание тому кровавому ужасу, что принесла революция и Гражданская война... Эти люди и впрямь, думал он, способны построить новую жизнь. И потому с отчаянием видел он, как они, такие молодые и прекрасные, те, с кем связаны были все его надежды, первыми гибнут в мясорубке войны. Ведь так погиб под Москвой и его собственный сын, в самые первые дни войны записавшийся в добровольцы...

– Сергей Иванович, мне бы в Ленинград съездить, – прервал его мысли Ребров. – На несколько дней хотя бы...

Филин отодвинул бумаги в сторону. Вздыхнул.

– Могилу родителей хочешь найти?

– Хочу.

– Трудно это. Там в блокаду такое творилось...

– Я знаю. Но попробовать-то я должен. Иначе как мне жить потом?

– Должен, – согласился Филин. – Конечно, должен. Завтра выступишь одно деликатное поручение, поступившее из Москвы, и попробую тебе помочь с Ленинградом...

– А почему я? Может, другой кто?

– Завтра и узнаешь, почему именно ты. Там, знаешь, особый подход нужен. А у меня с таким подходом ты один под рукой.

Постскриптум

Газета «Нью-Йорк пост»: «Мы хотим, чтобы позиция американцев в отношении военных преступников была известна всем – мы ждем расстрела Германа Геринга и передачи немецких генералов в руки судей-союзников. Не пытается ли посол Роберт Мерфи спасти немецкую промышленность, немецких генералов и немецких клерикалов, как он уже спас однажды своих имеющих дурную репутацию французских друзей?».

Глава VII Обязательный визит

Июньская Москва 1945 года была словно туманом окутана чистой и яркой зеленью. Скрывая в ней полученные в войну раны, она, казалось, как никогда ранее была желанной и красивой. Город был украшен и прибран в честь прошедшего накануне Парада Победы.

Расположившийся на переднем сиденье машины рядом с шофером и совершенно расслабившийся от увиденной красоты, Ребров, провожая внимательными глазами девушек в легких летних платьях, невольно думал, что это свидание с Москвой с большим привкусом разлуки.

Сидевший сзади генерал Филин был погружен в свои мысли. Новое задание, поступившее с самого верха, оказалось весьма неожиданным и означало, что отдохнуть теперь можно будет не скоро. Но приказы не обсуждаются...

Шофер остановил машину во дворе дома на Большой Полянке.

– Приехали, товарищ генерал.

Выбравшись из машины, Филин несколько раз вдохнул пьянящий весенний и, главное, – мирный воздух. Вдруг пришла в голову странная мысль, что не так уж он и стар и впереди, наверное, еще немалая жизнь.

Стоявший рядом Ребров хмуро глядел себе под ноги. Они оба были в штатском. Но Ребров в новеньком костюме выглядел как герой из появившихся еще перед войной американских комиксов о супермене, а сам Филин в гражданском если кого и напоминал, так неловкого ученого Паганеля из фильма «Дети капитана Гранта» в исполнении народного артиста СССР Черкасова. Только вот без всяких чудачеств и забывчивости. Филин, в отличие от кинематографического близнеца, никогда ничего не забывал и уж тем более не путал.

– Ну, майор Ребров, вы готовы к встрече с любимой актрисой Гитлера? – неожиданно весело спросил Филин. – Поджилки не трясутся? Ладони не потеют?

– Я бы предпочел Марлен Дитрих, товарищ генерал, – отшутился Ребров.

– Ишь ты, какие мы привередливые, – покачал головой Филин. – Марлен Дитрих ему подавай! Где ж я тебе ее возьму? Она ведь не в зоне нашей оккупации оказалась... А что, она больше нравится тебе как женщина?

– Просто Марлен Дитрих быть любимицей Гитлера не захотела. И послала его куда подальше вместе с его ухаживаниями.

– Между прочим, я вас не на свидание приглашаю, товарищ майор, – посуровел Филин. – Мы прибыли для выполнения чрезвычайно ответственного задания... И Ольга Константиновна Чехова нам здесь гораздо полезнее, чем ваша обожаемая Марлен Дитрих. Которая, хочу напомнить, работает не на нас, а на американцев.

– Понял.

– Надеюсь. А женщина она, эта самая Ольга Константиновна Чехова, все-таки поразительная... Да-да, и не смотри на меня так! Кое-что в этом вопросе я понимаю...

Дверь в двухкомнатную квартиру открыл молодой офицер. Отдал честь, проводил в комнату. И тут же вышел.

У окна стояла Ольга Чехова в той же позе, что и в Берлине, когда Ребров приехал за ней. На столе рядом с вазой с фруктами лежала шахматная доска с расставленными фигурами.

Чехова медленно обернулась. По-актерски выдержала паузу, словно давая полюбоваться на себя.

– Добрый день, генерал. Вы сегодня не один...

– Да, Ольга Константиновна, это ваш старый знакомый майор Ребров, – кивнул Филин.

– Да-да, как же, помню – человек, который доставил меня сюда... В Москву...

Денис, задержавшийся у входа, сухо кивнул. Чехова посмотрела на него внимательно. Чуть заметно пожала плечами – мол, ваша воля быть таким букой. Повернулась к Филину.

– О чем будем сплетничать сегодня, Сергей Иванович? Или о ком?

– Ну, для начала я хочу вас обрадовать... Принято решение о вашем возвращении в Берлин... А вы-то, наверное, боялись, что в Сибирь? – рассмеялся Филин.

Чехова буквально застыла от неожиданности. Справившись с собой, спокойно спросила:

– Когда?

– Через несколько дней вас доставят туда на самолете. Вас будет сопровождать майор Ребров. Так сказать, по старой памяти, – с легкой иронией сказал Филин.

Чехова с улыбкой повернулась к Реброву, но тот демонстративно смотрел в сторону.

– В Берлин. В Берлин... Что меня там ждет? Боюсь, что не аплодисменты, – задумчиво проговорила Чехова, присаживаясь к столу.

Филин сел напротив и, понимая, что Чеховой надо осознать известие, стал изучать положение фигур на шахматной доске. Даже сделал какой-то ход ферзем...

– Скажите, Сергей Иванович, мне так и не разрешат в Москве ни с кем встретиться? Ведь я никого тут и не увидела – ни тетю, ни брата...

– Увы, такие встречи признаны пока нецелесообразными.

– Странно.

– Этот вопрос не ко мне, Ольга Константиновна, – мягко, успокаивающе произнес Филин. – Вы могли осведомиться об этом во время встречи с товарищами Берией и Абакумовым.

– Я осведомилась. Мне обещали...

Сергей Иванович развел руками. После паузы все так же мягко сказал:

– Видимо, что-то не сложилось. А пока мне бы хотелось поговорить вот о чем... Ольга Константиновна, как, на ваш взгляд, будут вести себя главари Германии во время суда над ними?..

– Суда? – искренне удивилась Чехова. – А что, их будут судить?

– Да, решение о создании Международного трибунала принято. Уже началась подготовительная работа.

– Как странно... Судить уродов за то, что они уроды?

– Их будут судить не за уродство, а за преступления, которые они совершили, – объяснил Филин.

– Да-да... Интересно, какой он сегодня, Берлин?

Судя по всему, Чеховой было не до трибунала и поведения на нем фашистской верхушки. Мысли ее были заняты другим.

– Скоро увидите, – заверил ее Филин. – Он вряд ли сильно изменился с тех пор, как вы сидели под бомбежками в подвале. Так что обстановка не для слабонервных. Впрочем, в ваших нервах, Ольга Константиновна, сомневаться не приходится.

– Вы так хорошо меня изучили? – чуть кокетливо спросила Чехова.

– Для того, чтобы убедиться, какая вы сильная женщина, не надо много усилий. В Берлине вам будут помогать наши люди, так что с голода вам умирать не придется. Но, Ольга Константиновна, мы рассчитываем на вашу помощь и в дальнейшем. Если она понадобится...

Чехова кивнула. Взгляд ее снова остановился на Денисе. Лицо того было непроницаемо.

– Ваш сотрудник, генерал, вряд ли испытывает ко мне какую-то симпатию...

– Как и другие советские люди! – не сдержался Денис. – Вы служили фашистам! Вы с Гитлером и Геббельсом...

– Геббельс относился ко мне весьма своеобразно. А Гиммлер мечтал упрятать меня за решетку, мой юный друг.

– Я вам не друг! – выпалил Денис.

– Майор Ребров, держите себя в руках! – резко оборвал его Филин.

Чехова, ни к кому не обращаясь, сказала:

– Боюсь, теперь меня будут ненавидеть еще и немцы. О, я их знаю!.. Они теперь окажутся, все окажутся антифашистами и противниками Гитлера... А я стану его пособницей...

– Не надо преувеличивать, Ольга Константиновна, – успокоил ее Филин. – Мы не дадим вас в обиду.

Чехова выпрямилась. Упрямо вскинула подбородок.

– Но я ко всему готова. Уж как-нибудь...

– Вернемся к теме нашего разговора, Ольга Константиновна, – отодвинул в сторону шахматы Филин. – Итак, гитлеровские главари... На что они будут рассчитывать во время суда? Как станут себя вести? Будут ли они держаться вместе или начнут топить друг друга?.. Ну, скажем, тот же Геринг?.. Что от него ждать?

Постскрипtum

«Нет сомнения в том, что Гитлер получает значительную финансовую поддержку от крупных промышленников. В последнее время складывается впечатление, что влиятельные финансовые круги оказывали и оказывают на канцлера Гинденбурга давление, чтобы предпринять эксперимент и допустить нацистов к власти... Как раз сегодня получены сведения из обычно хорошо информированных источников, что представленные здесь различные американские финансовые круги проявляют большую активность именно в этом направлении».

Из шифровки посольства США в Берлине, направленной в Госдепартамент 23 сентября 1930 года

Глава VIII Соблюдение церемоний

Отпустив машину, Филин и Ребров, никуда не торопясь, шли по Красной площади мимо Кремля в сторону Исторического музея, все еще украшенного красными стягами, которые повесили перед Парадом Победы.

– И все-таки, Сергей Иванович, я до конца так и не понимаю, зачем он вообще нужен этот процесс? – упрямо, явно продолжая начатый спор, стоял на своем Ребров. – После всего, что они натворили, судить, соблюдая все церемонии! С адвокатами! С презумпцией невиновности! Что-то еще им доказывать!.. Зачитать приговор, и дело с концом.

– Ты прямо как Черчилль, – устало усмехнулся Филин.

– А что Черчилль?

– Он тоже еще в сорок втором говорил, что всех нацистов до определенного звания надо просто перестрелять. А Рузвельт год назад в одном разговоре и вовсе предлагал всех немцев кастрировать...

– Да? Я не знал.

– И тем не менее...

– Во дает! – по-мальчишески покрутил головой Ребров. – Молодец!

– Думаешь?

Все последние годы по прямому заданию из Кремля генерал Филин отслеживал и систематизировал данные о намерениях союзников в отношении Германии и гитлеровской верхушки после войны.

Планы Советского Союза на сей счет были ясно сформулированы Сталиным: «Что бы ни произошло, на это должно быть соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!» Больше того, когда в октябре 1944 года в Кремле Черчилль заявил: «Мы должны сделать так, чтобы даже нашим внукам не довелось увидеть, как поверженная Германия поднимается с колен!» – Сталин возразил: «Слишком жесткие меры возбуждают жажду мести».

Так что Сталину постоянно приходилось настаивать на позиции СССР, потому что Черчилль носился с идеей просто составить списки подлежащих уничтожению и обязать всех офицеров союзных войск после их опознания расстреливать на месте без всякого суда и следствия. Он даже предлагал Сталину, когда был в Кремле, подписать документ на сей счет, но тот решительно отказался. Хотя Черчилль и подчеркивал, что обговорил уже все с президентом Рузвельтом.

Надо сказать, англичане так пылали жадой мести, что были в состоянии обсуждать, как заметил один из наших тайных агентов, лишь место, где поставить виселицы, и длину веревок для повешения. Ну, еще количество часов, которое должно пройти между опознанием преступника и его казнью. Главное, чтобы таких часов было не больше шести. При этом командиру расстрельной команды не должно быть никакой нужды обращаться за разрешением к вышестоящему командиру... Тот же Черчилль, правда, выражал беспокойство, что «англичане в любом случае не смогли бы справиться с практическим приведением в исполнение всех этих многочисленных казней, даже если бы им предоставлено было для этого любое необходимое время...»

Американцы тоже не желали церемоний. В марте 1943 года госсекретарь США Халл заявил на обеде, где присутствовал посол Великобритании в США лорд Галифакс, прямо сказав, что предпочитает «расстрелять и уничтожить физически все нацистское руководство вплоть до самых низших его звеньев». Генерал Дуайт Эйзенхауэр считал необходимым просто расстреливать представителей немецкого руководства, а людям особо чувствительным или обремененным излишними юридическими знаниями объяснять расстрелы «попытками к бегству». И вообще – не стоит путать возмездие с правосудием.

Схожими были и настроения президента Рузвельта. 19 августа 1944 года он заметил: «Мы должны быть по-настоящему жесткими с Германией. И я имею в виду весь германский народ, а не только нацистов. Немцев нужно либо кастрировать, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они забыли и думать о возможности появления среди них людей, которые хотели бы вернуть старые времена и снова продолжить то, что они вытворяли в прошлом».

Так что идея международного процесса возникла и утверждалась тяжело. Уже в 1945 году, когда вся мировая печать была заполнена открывшимися после поражения Германии фактами чудовищных злодеяний, 67 процентов граждан США выступили за скорую внесудебную расправу над нацистскими преступниками, фактически за линчевание. Одновременно предлагалось уничтожить Германию как промышленное государство. Министр финансов США Генри Моргентау выдвинул «Программу по предотвращению развязывания Германией

третьей мировой войны». Предполагались расчленение и децентрализация единой страны, полное уничтожение тяжелой промышленности и авиации и фактически превращение ее в аграрную территорию под жестким контролем США и Великобритании. Как выразился Моргентхау, Германия отныне должна представлять собой «одно большое картофельное поле». Или «территорию-призрак». Что кому больше нравится.

Но среди американцев были и люди, думавшие иначе. Министр обороны Стимсон говорил своим доверенным людям: «Англичане выступают решительно против проведения суда и хотят убивать бесцеремонно и незамедлительно – беспрецедентная позиция!» В Америке к этому времени был уже новый президент – умершего Рузвельта сменил Трумэн – посчитавший, что суд все-таки необходим. Он был довольно простым американским человеком и потому выражался прямо: их надо судить законным судом, а потом повесить...

– Видишь ли, Денис, если всю гитлеровскую верхушку просто перебить, передавить, как скорпионов, то пройдет немного времени, и начнут говорить, что это была просто месть победителей... Будут утверждать, что преступления преувеличены, факты подтасованы, документы подделаны.

– После всего, что было! – недоверчиво воскликнул Ребров.

– После всего, что было, – спокойно подтвердил Филин. – Желающие найдутся. Их уже и сейчас достаточно. А пройдет время... Все поставят с ног на голову. Станут говорить, что это мы напали...

– Мы? На фашистов? Бред какой-то!

– Не бред, а политические игры. Поэтому и нужен процесс. Законный, юридически безупречный. И именно международный. Процесс, который вынесет приговор, не подлежащий отмене и пересмотру. Окончательный. Приговор на веки вечные. Чтобы нашим детям не пришлось все доказывать снова... Чтобы их не вынуждали объяснять, что это на нас напали, и не требовали от них извинений.

– Вы это серьезно? Или шутите?

Филин только прищурившись посмотрел на стены Кремля. Потом сказал:

– Это тебе сегодня кажется невозможным. А завтра появятся провокаторы, просто откровенные враги, обнаружатся всякие «правдоискатели», которые начнут обвинять нас в агрессии, а то и в разных злодеяниях.

– Да мы кровью захлебывались!..

Филин искоса взглянул на Дениса, который выглядел взбешенным. Помедлив, поинтересовался:

– Кстати, там, у Чеховой, ты на самом деле сорвался? Или решил просто надавить на нее? Сыграть в злого и доброго следователя?

– Сорвался, – признался Денис. И уже совсем по-детски обиженно пробурчал: – Уж больно она... Чего мы с ней носимся?

– Это плохо. Плохо, что сорвался. Очень плохо. Надеюсь, впредь ты будешь держать себя в руках. У нас очень тяжелая работа впереди. Неприятная. И надо будет постоянно себя контролировать, не то что каждый поступок, а каждое слово. Ты меня понял?

Ребров виновато кивнул.

– А что касается Чеховой...

Филин вдруг улыбнулся.

– Она – актриса. До кончиков ногтей. В каждом своем жесте, в каждом поступке. А актеры – совсем иные существа. Не то что мы с тобой. Они устроены по-другому, понимаешь?

– Не знаю.

– А раз не знаешь, поверь мне на слово...

Ребров быстро взглянул на Филина и ничего не сказал. Он просто вспомнил, что актрисой была жена Филина. Она не смогла пережить смерть сына в первом же бою под Москвой и

умерла, зачахла после тяжелой болезни. Для Филина это был страшный удар, с которым он стоически справился, но о котором никогда не говорил.

– Кстати, ты помнишь, что она сказала о Геринге? – перебил его мысли Филин.

– Сказала, что он актер и будет играть на суде роль великого исторического деятеля, героя, но может играть и простачка...

– Нет, Денис, она сказала не совсем так. Она сказала, что он – дурной актер. А точнее – позер. Что он будет умирать от страха, но все равно думать о позе, которую он в это время принимает... Но при этом он еще сильный и хитрый зверь, который будет защищать свою жизнь до конца.

– Про зверя она не говорила.

– Ну, это я уже от себя. Для наглядности... Ты, я вижу, на меня обиделся за то, что я вызвал тебя из Ленинграда пораньше?

– Да нет, просто... Просто я там ничего не успел сделать. Про родителей так ничего и не узнал... И на тебе – отзывают. Любезничать с госпожой Чеховой...

– Не любезничать, а работать, – поправил его Филин. – А теперь еще в Берлин с ней лететь.

– И надолго?

– Там видно будет.

Постскриптум

«На советскую разведку работала подруга Евы Браун, киноактриса Ольга Чехова... Дневала и ночевала в доме Гитлера.

Меня несколько не удивляет, что органы государственной безопасности бывшего Союза, а ныне России, не смогли подтвердить причастность Ольги Чеховой к деятельности советской разведки. Наверняка таких документов нет. Объяснение простое: мой отец ни тогда, в сорок пятом, ни позднее решил ее не раскрывать. Случай довольно типичный.

По картотекам органов государственной безопасности не проходили – знаю это совершенно точно – сотни фамилий. Отец считал, что «настоящего нелегала через аппарат пропускать нельзя». Эта была общепринятая система советской стратегической разведки, которую в течение 15 лет возглавлял отец».

Из воспоминаний сына Берии Серго Гегечкори

Глава IX

Идите по мосту, который может рухнуть

Генерал Филин работал в своем московском кабинете, где он практически не бывал последнее время, особенно после вступления советских войск на территорию Германии. Он предпочитал трудиться поближе к фронту – удобнее и эффективнее. Изредка приезжая в Москву, он практически жил в этом кабинете, отсыпаясь на диванчике в небольшой комнате отдыха. Домой, где все напоминало о жене и сыне, он заглядывал только по крайней необходимости. Его старый друг и начальник генерал Гресь принимал во внимание и это обстоятельство, поручив Филину заниматься предстоящим процессом над фашистскими главарями. Процесс обещал быть долгим, а значит, Филину придется много времени проводить в Германии...

Из донесений агентов и официальной информации следовало, что президент Трумэн сделал свой выбор, и главным обвинителем от США на процессе будет судья Роберт Джексон,

который уже лично подбирает многочисленный штат юристов, секретарей и разведчиков. Все они будут на него работать.

Джексону было пятьдесят три года. Он начинал как периферийный юрист в штате Пенсильвания, сделал себе имя на защите профсоюзных работников, был искренним сторонником «нового курса» президента Рузвельта. Еще более головокружительную карьеру он продолжил в Вашингтоне, став министром юстиции. Газеты даже писали о нем как о будущем президенте. Он был прямым и честным человеком, отстаивавшим свою линию даже тогда, когда она не совпадала с официальной. Многие называли его идеалистом, но идеалистом именно американского толка – он верил, что американская демократия выше всего и весь остальной мир должен равняться на нее и принять превосходство Америки как данность. Как многие американские провинциалы, он был человеком с довольно ограниченным кругозором, практически не выезжал за пределы Америки. Он даже потерял за ненадобностью несколько лет назад свой паспорт, который был необходим для выезда за границу, и после назначения главным обвинителем ему пришлось срочно делать новый.

Джексон веровал в правосудие и жестко критиковал тех, кто считал, что суды над военными преступниками должны быть лишь ширмой для физического уничтожения врагов. «Если мы хотим просто расстреливать немцев и избираем это своей политикой, то пусть так и будет, – говорил он. – Но тогда не прячьте это злодеяние под видом вершения правосудия». Воинственный идеалист, Джексон видел предстоящий процесс как суд над зловещими силами всемирного масштаба, во время которого он лично поразит их и предстанет перед всем миром в роли настоящего американского героя. При этом Джексон плохо представлял себе, с кем ему придется иметь дело. Желая самого настоящего судебного процесса, он не допускал мысли, что подсудимые посмеют вступить с ним в спор. В этой связи агент Гектор напомнил, что, будучи министром юстиции, Джексон запретил ФБР прослушивание телефонных разговоров и был очень горд этим решением. Однако прослушивание все равно продолжалось. Так что между идеальными представлениями Джексона и реальной жизнью всегда существовал вполне определенный зазор...

Филин побарабанил пальцами по столу. Идеалисты, особенно воинствующие, народ непростой. Имея с ними дело, надо всегда быть готовым к сюрпризу. Идеалист может быть способен на подвиг, а может не понимать элементарных вещей.

Надо было признать, что работу по поиску документов гитлеровского государства американцы поставили на широкую ногу. Каждой армии был придан специальный персонал, предназначенный для захвата и охранения вражеских архивов. Этот персонал насчитывал сотни специалистов. Такая забота о вражеской документации объяснялась не только желанием тщательно подготовить обвинение против главных военных преступников, но в гораздо большей степени стремлением получить ценную информацию военного, экономического и разведывательного характера. Обнаруженные документы, иногда сразу на нескольких грузовых машинах, свозились в специальные центры, созданные в каждой армии. Здесь документы сортировались, регистрировались, систематизировались.

В штаб-квартирах армии, в правительственных зданиях и резиденциях нацистских главварей было обнаружено огромное количество правительственной, партийной, военной, личной и другой документации. Ее находили зарытой в землю, спрятанной за фальшивыми стенами, в соляных копиях, шахтах, колодцах и других тайниках. По сообщениям агентов, во Фленсбурге был захвачен архив Верховного командования германских вооруженных сил с директивами по плану «Барбаросса», в Марбурге – архив МИДа, в Фешенгайме – архив Верховного командования вермахта. В Баварских Альпах были найдены документы Главного командования воздушным флотом, которым руководил Геринг. В Восточной Баварии в одном из старых замков за фальшивыми стенами был найден архив Розенберга, включая его дневники и переписку по делам нацистской партии. В подвалах Платерхофа в Оберзальцбурге был обнаружен архив

адъютанта Гитлера Шмутца с планом операции «Грюн» по захвату Чехословакии... В подвалах Государственного банка в Кельне среди бумаг банкира фон Шредера были найдены его письма на имя Гимmlера, изобличающие немецких промышленников в соучастии в военных преступлениях...

Сотрудники Джексона, сообщал все тот же Гектор, уже приступили к просмотру документов, собранных в главных армейских центрах их сбора. Там заранее были созданы специальные полевые команды и назначены связные офицеры. Тонны немецких документов сортировали, а потом те, которые казались наиболее важными, пересылались в главный аппарат обвинения США, который пока размещался в Париже. Там документы регистрировались и передавались в аналитическую группу отдела документации, где решался вопрос, будут ли они представляться в качестве доказательств на предполагаемом судебном процессе. Отобранные документы передавались в специальный документальный центр коллегии обвинителей США. Здесь они переводились на английский язык, подробным образом описывались, с них снимались фотокопии, а подлинники запирались в сейф.

Американцы работали серьезно. Вот только рассчитывать, что они будут делиться всеми своими находками, не приходилось, усмехнулся Филин. Вернее, делится будут, но со временем и если сочтут, что им это выгодно или, во всяком случае, не повредит...

В коридоре послышался шум, дверь широко распахнулась и в кабинет ввалился генерал Гресь. Большой, с блестящей лысой головой, громовым голосом и тяжелым, пристальным взглядом, он выглядел настолько же типичным генералом, насколько Филин нетипичным. При этом Гресь был осторожным и хитрым контрразведчиком, способным выжидать, строить хитроумные комбинации и при необходимости спокойно идти на компромиссы. И даже на попятный.

Тяжело опустившись на обтянутый черным дерматином диван, Гресь с ходу продолжил прерванный разговор:

– Значит, тебе там, на процессе, нужен именно Ребров? Объясни – почему? Почему именно он? Ты в нем так уверен?

– Я его знаю много лет. Доверяю ему целиком и полностью. Говорит по-немецки, как настоящий немец. А также по-английски. Высшее юридическое образование. Служил в «СМЕРШе», выявлял диверсантов, участвовал в их задержании. Занимался проверкой немецких агентов... Знает приемы рукопашного боя. Хорошо стреляет.

– Это, конечно, хорошо, что стреляет, но для нас не самое главное. Думать он умеет? Наблюдательный? Нервы в порядке?

– Ну, нервы после войны у всех немного расшатаны...

– Немного? Или...

– Немного. У него в блокаду умерли родители. Невеста погибла во время бомбежки...

Он один. И делать ему на гражданке нечего.

Гресь быстро взглянул на Филина, лицо того было бесстрастно.

– Я уверен, он должен остаться у нас. Сейчас наступают новые времена, нам именно такие люди понадобятся... Среди западной публики, которой там будет не впрокорот, он будет выглядеть вполне уместно.

– Ладно, наши правила тебе известны.

– Под мою личную ответственность.

– Вот именно.

Генералы помолчали.

– В общем, Сергей, ты переключаешься на процесс, – хлопнул ладонью по колену Гресь. – Целиком и полностью. Процесс должен состояться. Любой ценой. Вопрос важнейший. Ситуация, сам знаешь...

– Как написала одна английская газета, «Медовый месяц» антигитлеровской коалиции подошел к концу».

– А был ли он, этот самый медовый месяц? Тут еще вопрос. Исходить надо из того, что на Западе полно тех, кому Международный трибунал ни к чему. Им нужны германские тайны, германские ресурсы, германская агентура, но не разоблачения, которыми грозит такой процесс... А вдруг станет известно, кто вел Гитлера к власти? Кто помогал ему вооружаться, кто прощал долги? Они, эти люди, и сейчас, между прочим, там рулят.

После паузы Гресь продолжил.

– Ну и в Германии, сам понимаешь, такой процесс восторга не вызывает. С фашистами бывшими все понятно – они на все пойдут, чтобы процесс не состоялся. Но и те, кто фашистами не был, боятся, что процесс превратится в суд над Германией и немцами. А раз боятся, значит, против. Вот такие дела. Врагов у тебя там будет полно. Только успевай поворачиваться.

– Мне кажется, что отменить процесс уже нельзя, – возразил Филин. – Соглашение подписано на высочайшем уровне, машина заработала... Да и общественное мнение на нашей стороне.

– Ну, на общественное мнение надеяться... Отменить, пожалуй, и нельзя, зато можно отложить, отодвинуть, а там и забыть потихоньку. Одна хорошая провокация, и сразу пойдут разговоры, что надо подождать. А там... Мы этого допустить не можем. Так что работа там у тебя будет сложная.

– Место уже определено окончательно?

– Да, Нюрнберг. Американская зона оккупации. Они там сейчас полные хозяева. Сам понимаешь, там будут работать все разведки мира, лучшие силы. Разумеется, они будут искать возможности иметь свои глаза и уши в нашей делегации, среди наших людей... Будут попытки завербовать. Тебе предстоит заниматься и этим.

– Понятно.

– И вот еще что... Принято решение привлечь для работы в Нюрнберге нашего агента в Америке Гектора. Ты знаешь, сколько в него вложено сил и средств. Ценнейший кадр! Ценнейший! Поэтому не дай вам бог его засветить!

Гресь встал. Подошел к столу, за которым сидел Филин, положил на него ручки и наклонился вперед. Сказал, стараясь быть как можно убедительнее:

– И вот еще что, Сергей... Верховный придает процессу огромное значение. Чрезвычайное! Будет следить и контролировать лично. Сам понимаешь, что это значит. И еще. Курировать всю работу нашей делегации из Москвы будет Вышинский лично! Он же будет докладывать обо всем Верховному. Ты меня понял?

– Значит, будем идти по краю пропасти. Или по мосту, который в любой момент под тобой рухнет.

– Философ ты...

– Значит, конкретной задачи у нас с Ребровым пока нет?

– Конкретная задача – обеспечивать нормальную работу трибунала, помогать нашим следователям и юристам, выявлять врагов, предотвращать нежелательные события. А действовать будете по обстановке. Сами решите, что делать, по ходу дела. Не маленькие.

– Наши контакты с американцами, англичанами?

– Сугубо официальные. Рабочие. Вы с Ребровым – члены нашей делегации. Ну, в неформальной обстановке, если придется... Но вы там на чужой территории...

– Давненько я не был в роли шпиона, – потянулся Филин, зажмурив глаза.

– А тебе шпионить и не потребуется. Ты будешь думать и руководить. Зато Ребров твой может и постараться при случае... Как он, могёт?

– Поэтому я его и выбрал. У него диапазон широкий.

– Диапазон... Ишь, какие вы слова знаете, – хохотнул Гресь. – Европейцы, блин!

Постскриптум

Потсдамская (Берлинская) конференция проходила с 17 июля по 2 августа 1945 года. В ней участвовало руководство трех крупнейших держав антигитлеровской коалиции. Это была третья и последняя встреча «Большой тройки».

На конференции были приняты политические и экономические принципы, которыми должны были руководствоваться в начальный период при обращении с побежденной Германией. Основу этих принципов составили пункты, нацеленные на демилитаризацию, демократизацию и денацификацию побежденной фашистской Германии с тем, чтобы угроза агрессии уже никогда не исходила с немецкой земли. Было принято решение о полном разоружении Германии и ликвидации всей германской военной промышленности. Наряду с этим уничтожалась национал-социалистская партия и запрещалась всякая нацистская и милитаристская пропаганда, отменялись все нацистские законы, предусматривались меры по наказанию военных преступников.

По настоянию советской делегации на Потсдамской конференции было принято решение опубликовать списки нацистских военных преступников и подтверждено решение подвергнуть их суду Международного трибунала.

Глава X

Что делать с трупом врага?

Сталин стоял у окна в рабочем кабинете советской делегации во дворце Цицилиенхоф, где когда-то проживал германский кронпринц, и, сосредоточенно посасывая трубку, разглядывал по-немецки аккуратный цветник, разбитый во внутреннем дворе. Накануне ему рассказали, что американская делегация работает в бывшем салоне кронпринца, а вот советская – в бывшем кабинете, и он с усмешкой сказал, что это правильное распределение, хорошо продуманное. Разумеется, он шутил, но, как всегда, с неким серьезным умыслом.

Наконец, не оборачиваясь, Сталин спросил:

– У вас все по Гитлеру, товарищ Абакумов?

Генерал Абакумов, стоявший навтыжку у стола и уже уставший от затянувшегося молчания вождя, отпартовал:

– Так точно, товарищ Сталин. Труп тайно захоронен после проведения необходимых экспертиз и оперативных мероприятий по опознанию... Закопанная яма глубиной 1,7 метра сровнена с землей. На поверхности высажены мелкие сосновые деревья. Числом – 111 штук...

– Так много? – удивился Сталин.

– Чтобы случайно не обнаружили.

– Вот как. Ну что ж...

– Товарищ Сталин, – неуверенно сказал Абакумов, – если вы сочтете нужным, труп Гитлера можно осмотреть... Тут недалеко.

– Зачем? – недоуменно, медленно повернувшись, уставился на него своими тигриными глазами Сталин. – Я вам доверяю. Уверен, что все обстоит именно так, как вы доложили.

Абакумов молодцевато вытянулся.

– Но каждый день в западных газетах появляются сообщения, что Гитлер сбежал, скрылся. Что мы провели опознание непрофессионально и что-то скрываем...

– А... – отмахнулся Сталин трубкой. – И пусть беспокоятся. Что нам политически выгоднее? Чтобы американцы и англичане точно знали, что Гитлер мертв? Или чтобы они боялись, что Гитлер жив и может объявиться в любой момент? Или чтобы они боялись, что он в наших руках и дает показания? Особенно теперь, когда они с таким удовольствием пугают нас атомной бомбой...

Абакумов молчал, догадавшись, что Сталину и не нужен его ответ.

– А смотреть на труп... Зачем? Нам сегодня и живых врагов хватает. Вот их вам теперь и нужно выявлять. А о Гитлере пусть теперь американцы и англичане беспокоятся, если их это так заботит. И вот еще что, товарищ Абакумов... Здесь, в Потсдаме, я еще раз убедился, как важен для нас процесс над главными немецкими преступниками в Нюрнберге. Мы должны предпринять все, привлечь наши лучшие кадры, чтобы этот процесс прошел успешно. Так, как нам это нужно.

Постскриптум

«В районе рейхсканцелярии Гитлера, юго-восточнее здания 100 п/метров, на месте ранее найденных трупов Геббельса и его жены, обнаружены и изъяты две умерщвленные собаки... Трупы собак и обнаруженные рядом предметы сфотографированы и хранятся при ОКР «СМЕРШ» корпуса, на что составлен настоящий акт.

Пом. нач. отдела контрразведки «СМЕРШ»...»

Глава XI Город падших

Поверженный Берлин летом 1945 года походил на средневековую гравюру, изображающую страшный мор или чуму. Среди развалин, разнесенных в прах домов и искореженного железа бесцельно бродили голодные люди с опущенными глазами. Огромные очереди тянулись к полевым кухням и за водой. Большей частью это были доведенные до отчаяния женщины с детьми и старики, немецкие мужчины либо лежали в бесчисленных могилах, разбросанных во всех концах света, либо сидели в лагерях для военнопленных, не зная, что их ждет впереди, либо скрывались в лесах и подвалах в надежде сохранить жизнь. Мимо стихийных толкучек, вдруг возникавших на свободных пятачках, где продавали все что угодно, на машинах проносились вооруженные лихие патрули победителей...

Ольга Чехова с застывшим лицом, как замороженная, смотрела из окна автомобиля на превратившийся в призрак город, в котором она когда-то блистала на сцене, который был когда-то украшен киноафишами с ее изображением.

Рядом с ней на заднем сиденье с каменным лицом сидел Ребров. Его призраки и тени столицы рейха мало трогали.

– Запах, – вдруг сказала Чехова. – Какой странный тяжелый запах...

– Трупный, – спокойно объяснил хитроглазый водитель с погонами старшины. – Не успевают хоронить. До всех подвалов не добраться, входы завалило, а там столько трупов...

– Какой ужас, – прикрыла глаза Чехова.

– Вам бы в Сталинград, – то ли насмешливо, то ли издевательски сказал водитель. – Вот там был ужас. Настоящий.

– Но эти люди, – Чехова кивает на женщин с детьми за стеклом, – они же не виноваты...

– А те, кто в Освенциме сидел, виноваты? – зло закусил губу водитель. – Я когда там эти ходячие трупы увидел, думал, у меня галлюцинации – не могут люди в таком состоянии оставаться живыми... А горы костей тех, кого в печах сжигали? Горы, понимаете?

– А вы как в лагерь попали, старшина? – спросил Денис.

– Так мы их освобождали, товарищ майор.

Чехова закрыла глаза.

– Мы тогда такого наслушались, что после этого жить не хочется. Что там с ними делали... В газовые печи загоняли целыми эшелонами... Детей в костры бросали... А сейчас если с немцами разговариваешь – никто ничего не знал, не видел, не подозревал... Никто и ничего.

Ребров невольно покосился на Чехову. Ее прекрасный, словно заледенелый профиль выглядел на фоне разбитого города совершенно неуместным.

Пух из вспоротых перин разлетался по всему дому, и справиться с ним не было никакой возможности. Мелкие перья потом обнаруживались и на втором этаже, и в подвале и страшно раздражали Чехову, во всем и всегда по-немецки аккуратную. Из перин они с племянницей делали подушки и шли с ними на толкучки – меняли на еду. Так получалось выгоднее. В саду вместо цветов посадили капусту и свеклу, но когда они еще вырастут. От настоящего голода спасала известность – солдаты и служащие оккупационной администрации, с которыми приходилось сталкиваться, узнав, кто перед ними, иногда помогали продуктами. Русские дарили водку, сахар или перловку, американцы обычно сигареты. Блок сигарет на черном рынке, где можно было найти почти все, оценивался дороже золота... Ребров, который в первые дни выручал с продуктами, неожиданно пропал, и выкручиваться приходилось самой.

Пришла мысль собрать небольшую труппу актеров и ездить со спектаклями по городам...

Она как раз думала о том, кто из оставшихся в живых и не бежавших из Германии актеров согласится рискнуть на такую работу, когда в доме появился фатоватого вида мужчина в шляпе, которую он не подумал даже почему-то снять.

– Фрейзер, – представился он. – Называйте меня просто господин Фрейзер.

– И чем я обязана вашему появлению? – удивилась Чехова. В былые времена она вряд ли пустилась бы в разговоры с незнакомым и неприятным на взгляд человеком, но то в иные времена, а сейчас она была в отчаянном положении, когда надо было просто выживать. А значит, пользоваться любой возможностью...

– Госпожа Чехова, я представляю в Германии кинокомпанию «Парамаунт», – развязно и многозначительно сказал мужчина. – Вот доверенности, которые уполномочивают меня на ведение переговоров с вами...

Фрейзер достал какие-то бумаги и помахал ими в воздухе.

– В Голливуде о вас не забыли, госпожа Чехова. «Парамаунт» хотел бы заключить с вами договор на участие в съемках нескольких фильмов...

Чехова была настолько поражена, что даже не смогла сразу что-то ответить. Господи, Голливуд! Сказка, рай на земле... И съемки...

– О чем вы думаете, госпожа Чехова? – с недоумением уставился на нее Фрейзер. – Вы же еще помните, что такое Голливуд? Или бомбежки и русские солдаты отшибли вам память?..

Послушайте, никаких карточек, пайков, голода, поисков приличной одежды... Никаких развалин, оккупантов, патрулей, бандитов... Никакой стрельбы, обысков и угроз... Я слышал, вы собираетесь сколотить здесь какой-то маленький театр... Зачем он вам?

– Чтобы не умереть с голода.

– Забудьте о голоде! У вас будет все!

– Но здесь у меня родные, друзья, коллеги...

– Бросьте уговаривать себя, – уже раздражаясь, отмахнулся Фрейзер. – Вы же прекрасно понимаете, что не сможете жить в Германии!

– Почему вы так считаете?

– Потому что одни будут вас ненавидеть за личные связи с Гитлером и Геббельсом, другие – за шпионаж в пользу русских... Вас будут ненавидеть не только в Германии, а во всей Европе.

– Это все ложь! Ложь! Никакая я не шпионка!

Фрейзер снисходительно усмехнулся:

– Да? Что вы говорите!.. А какая разница! Кто будет в этом разбираться?

Чехова прикрыла глаза. Этот неприятный человек был прав – разбираться никто не будет.

– Послушайте, я еще понимаю ваши колебания насчет кино... Все-таки возраст берет свое, роковых героинь вам уже играть тяжело...

– Это уже хамство! – выпрямилась Чехова.

– Да бросьте! – отмахнулся Фрейзер. – Это всего лишь правда. К тому же английский язык вы подзабыли, и ваш немецкий акцент вряд ли понравится американцам – они теперь всех немцев считают фашистами...

– Зачем же вы предлагаете мне договор?

– Но мы готовы рискнуть, – засмеялся Фрейзер. – Мы, американцы, широкие люди. И знаем, что бизнеса без риска не бывает. Хорошего бизнеса. К тому же у нас есть запасной вариант.

– Вот как. И что же это за вариант?

Фрейзер вполне по-хозяйски прошелся по комнате. Остановился у русских икон, ухмыльнулся.

– В Америке из того, что здесь, в побежденной и раздавленной Германии, доставляет вам одни заботы и неприятности, можно запросто составить приличный капитал и обеспечить себя на всю жизнь... Без проблем, госпожа Чехова! – поднял указательный палец Фрейзер. – Уверю вас – без всяких проблем...

– Я не понимаю, что вы имеете в виду? – беспомощно сказала она. И тут же страшно разозлилась на себя за эти жалкие интонации. Надо взять себя в руки, в конце концов. Этот тип и так слишком много себе позволяет.

– Мемуары, – щелкнул пальцами Фрейзер. – Ваши мемуары, госпожа Чехова. Студия готова закупить и права на их издание, и права на экранизацию... А это уже серьезные деньги!

– Вы считаете, что мои воспоминания будут так интересны?

– Уверен. Даже если то, что было в действительности, не так захватывающе, чтобы увлечь американского читателя, можно со спокойной совестью упомянуть об интимных контактах с высшими должностными лицами Третьего рейха... Лучше всего с теми, кто уже мертв, чтобы нам не докучали потом назойливыми опровержениями...

– Вы с ума сошли! Ничего подобного я «вспоминать» не собираюсь!

– Ну-ну, не отказывайтесь сразу... К чему такая спешка? И спокойнее, спокойнее. Вам нужно быть рассудительнее... Я ухожу, но скоро вернусь. А вы подумайте. Хорошо подумайте. Тем более, у вас нет другого выхода.

– Почему это?

– Потому что отказа мы не примем, – с вполне очевидной угрозой сказал Фрейзер. – Запомните это.

Постскриптум

В Черч-хаусе (Вестминстер) продолжаются заседания Лондонской конференции стран-победительниц, на которой должен был быть разработан

Устав Международного военного трибунала. Трибунал обещает стать грандиозным мировым событием, расследующим небывалый масштаб преступлений. Страницы газет, журналов, кадры кинохроники переполнены документами о преступлениях фашистов. Газеты сообщают, что многотомные свидетельства преступлений вызывают растерянность даже у опытных юристов.

И тем не менее обсуждаемый Устав трибунала предусмотрит процессуальные гарантии подсудимым – в частности, право защищаться лично или при помощи адвокатов, давать объяснения, допрашивать свидетелей, обращаться к суду с последним словом...

Глава XII

Вход запрещен

«Немцам вход запрещен» – гласила надпись на немецком языке, небрежно намалеванная белой краской прямо на двери под вывеской «BAR». Молодой мужчина, высокий, светловолосый, в скромном гражданском костюме, который был явно с чужого плеча, невольно замедлил шаг и какое-то время смотрел на надпись, словно пытаясь сообразить, где он находится. Он даже оглянулся, словно не веря своим глазам.

Перед ним была обычная улица послевоенного немецкого города, подвергшегося массированным бомбардировкам союзников – развалины, горы кирпичей, несколько случайно уцелевших домов, в одном из которых и расположился бар для оккупационных войск, и куда-то бредущие люди, слишком тепло одетые для жаркого летнего дня, с чемоданами и узлами в руках...

У молодого мужчины были светло-серые, почти прозрачные глаза. Многодневная щетина на лице подчеркивала худобу и усталость, но в отличие от бредущих мимо него людей он не выглядел изможденным и тупо безразличным ко всему происходящему.

К бару подкатил военный джип, набитый американскими солдатами, что-то весело галдящими. Вывалившись из машины, солдаты, небрежно отпихнув мужчину, загораживавшего им путь, скрылись в баре. Он опустил голову и двинулся было дальше, но в темной арке дома вдруг увидел совсем юную немку и темнокожего американского сержанта у стены. Девушка деловито поправляла юбку, а американец, ничего и никого не стесняясь, не торопясь застегивал штаны.

Приведя себя в порядок, сержант с ухмылкой протянул девушке пакет. Та тут же радостно развернула его и обнаружила в нем один чулок. Она недоуменно посмотрела на него, потом робко сказала на ломаном английском:

– Это только один, Джон! Один. А нужно два... Два, – показала она растопыренными пальцами.

– Завтра, – заржал страшно довольный собой американец. – Завтра здесь же мой друг даст тебе второй. И будет два. Но сначала...

Американец наглядно показал, что будет сначала.

– А потом второй чулок... От моего друга. Понятно?

Немка послушно кивнула, хотя глаза ее налились слезами. Американец снисходительно потрепал ее по щеке. И вдруг увидел мужчину, давно уже наблюдающего за этой сценой.

– Пошел отсюда, фашистская свинья! – проорал американец и, угрожающе сжав кулаки, двинулся на светлоглазого мужчину в тесноватом костюме.

Но тот, совершенно не изменившись в лице, вдруг коротко, незаметно размахнулся и въехал кулаком американцу в живот. Тот ахнул, выпучив глаза, и согнулся пополам. Таким же коротким рубящим ударом по шее светлоглазый свалил американца на землю. Повернувшись

к девушке, он схватил ее за руку и потащил за собой по улице прочь от арки, в которой лежал, схватившись за живот, американец.

– Пошли отсюда!

Он торопливо шел прочь, таща девушку за собой. Та все время оборачивалась, а потом вдруг решительно вырвала руку и остановилась. Светлоглазый, тоже остановившись, хотел что-то сказать, но не успел.

– Что ты наделал? Кто тебя просил? – возмущенно спросила девушка, и лицо ее исказилось самой настоящей ненавистью. – Мы с сестрой теперь подохнем с голоду! Нам придется бежать отсюда. Куда? Подыхать?

Светлоглазый смотрел на нее, ничего не понимая.

– Он был наш постоянный клиент! Приводил к нам своих друзей! Он давал нам сигареты, а мы меняли их на хлеб, – рыдала девушка. – А теперь нам не на что будет жить! А если ты его убил, американцы нас найдут и расстреляют. Ты понимаешь, что ты наделал, идиот!

– Ты же немка, – сдавленно пробормотал светлоглазый.

– Да, я немка, а ты кто? Эсэсовец? Или гестаповец? Это вы довели нас до этого, проклятые ублюдки! Это все из-за вас!.. Я сейчас вызову патруль, и пусть они расстреляют тебя, гитлеровская скотина! Я скажу, что ты напал на нас с Джоном!

Она вцепилась в молодого человека и принялась вопить:

– Помогите! Патруль!

Светлоглазый какое-то мгновение смотрел на жалкое и злобное личико, еще совсем юное, а потом таким же коротким рубящим ударом по шее свалил девушку на землю.

– Твари! Продажные твари, – пробормотал он. – Грязные ничтожества!

Девушка, лежавшая неподвижно, вдруг зашевелилась, потом поднялась на колени, мотая головой, и обеими руками схватила его за ногу. Она что-то хрипела, а на губах у нее выступила кровавая пена.

Светлоглазый медленно протянул к ней руку, взял за горло, чуть сжал пальцы. Потом немного поднял руку вверх, шея девушки вытянулась, подбородок обострился... Мужчина, глядя прямо в ее омертвевшее лицо, чуть заметно встряхнул легонькое тело. Девушка сразу обмякла, глаза ее закатились. Затем он разжал пальцы, и тело тряпичной куклой свалилось на землю. Брезгливо отпихнув его от себя ногой, сероглазый достал платок, болезненно морщась, тщательно вытер руки, бросил платок на лицо девушки и быстро ушел, не оглядываясь.

Постскриптум

«Наш шофер-немец тут же заявил, что может сегодня же познакомить нас с молоденькими и вполне порядочными девочками и что сделает это он вполне бескорыстно «из уважения к доблестным русским офицерам».

– Очень люксовые фрейлен! Шик-модерн!

Стоить это будет недорого, и расчеты можно будет провести не только в марках, но и продуктами...»

Из «Нюрнбергских дневников» Бориса Полевого

Глава XIII

Девушка для выстрелов

Ребров сидел рядом с шофером, закрыв глаза. Он чувствовал себя безумно усталым.

За несколько последних месяцев в тюрьмах и лагерях перед ним прошли сотни, если не тысячи пленных немцев – от рядовых солдат и телефонистов до генералов и министров.

Среди них были раздавленные, обезумевшие от страха тени и затаившие злобу и ненависть лютые враги, психи и расчетливые циники, жертвы и идейные палачи... Со всеми надо было разбираться, пытаться понять, где они лгут, где ничего не помнят, где действительно ничего не знают. И все это под страшным давлением из Москвы, которая требовала точных отчетов о том, что произошло с гитлеровской верхушкой, с каждым конкретно...

Ребров мог утешаться только мыслью, что генералу Филину достается куда сильнее, но он держится спокойно и даже дает Реброву возможность иногда перевести дух.

Они добрались до Кладова, остановились у особняка Чеховой. Водитель достал из багажника большую картонную коробку.

Дверь открыла сама Чехова. Выглядела она спокойной, разве что чуть похудевшей. Обрадованно сказала:

– Это вы? Слава богу, а я уже подумала, что это опять...

Ребров, не слушая ее, скомандовал шоферу:

– Неси это в дом. А потом подожди меня в машине.

– Что это? – спросила Чехова, показывая на ящик, когда они остались вдвоем.

– Еда, – коротко ответил Ребров. – Крупа, хлеб, тушенка, сахар... И даже водка.

– Господи, по нынешним временам это целое богатство!

– Ну, это, конечно, не то, что вам присылал Гитлер на Рождество...

– Вы и это уже знаете! А что, я должна была швырнуть подарки ему в лицо и отправиться в концлагерь?

– Это был ваш выбор. Вам за него и расплачиваться.

– Почему вы меня ненавидите? Я же вижу.

– Просто я любезничаю здесь с вами, хотя...

– Что хотя?

– Хотя я должен был сейчас искать могилу своих родителей. Понимаете?

Наверное, сказались усталость и напряжение последних дней, потому что Ребров понимал, что ему не следует говорить это здесь и сейчас, но и понимая не мог остановиться.

– Искать могилу моих родителей, пока еще есть возможность ее найти. Потому что потом это будет уже невозможно.

– Они погибли?

– Да, умерли в блокаду в Ленинграде от голода и холода. Когда сил уже не осталось, они обнялись и умерли вместе... Хотя кто-то, наверное, умер первым, а второй лежал рядом с ним, потому что уже не было сил встать. Их и похоронили вместе... А я до сих пор не знаю где... А я выясняю, где пристрелили одного гада, куда мог деться другой, как поведет себя на суде третий...

– Но это не я держу вас здесь, – негромко произнесла Чехова.

– Это я понимаю.

– Вам хочется отомстить всем немцам?

– Нет. Всем – нет. Но есть такие, которых надо покарать. Во что бы то ни стало. Ладно, извините, я сорвался, это от усталости. Забудьте – я не должен был вам это говорить.

Какое-то время они молчали. А потом Чехова вдруг совершенно искренне сказала:

– Вокруг меня в последнее время творятся какие-то странные вещи... В Москве я была уверена, что все немцы теперь обратятся в антифашистов и будут меня третировать за то, что я виделась с Гитлером. Но сегодня немцы ненавидят меня не за это. Они ненавидят меня за то, что якобы я была тогда советским агентом. И якобы недавно лично Сталин вручил мне в Кремле высокий русский орден.

– Наверное, они перепутали вас с вашей тетей Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой. Ее действительно наградили к юбилею орденом...

– Я тоже об этом подумала, но... Я получаю письма с угрозами, обо мне говорят и пишут всякую чушь... Фантастические вещи. Будто у меня была записная книжка из золота, в которую я заносила донесения карандашиком, украшенным бриллиантами... Представляете себе? Карандашиком с бриллиантами!.. А потом я будто бы отдавала записи своему шоферу, который переправлял их в Москву! А затем его арестовало гестапо!.. Но у меня несколько лет вообще не было шофера, потому что Геббельс отобрал у меня машину.

– Почему?

– Чтобы немецкий народ видел, что и известные люди в трудные времена тоже ходят пешком.

Ребров напряженно смотрел на Чехову. Он чувствовал, что нервный срыв словно схлынул и он опять в привычном рабочем состоянии.

– Скажите, а вы могли себе представить, что Геббельс и его жена способны на такое – своими руками отравить своих детей? Кстати, ему и его жене Магде предлагали вывезти детей из Берлина, но она отказалась... Она что, была такой фанатичкой? Это же даже не людоедство...

– Геббельс полностью подавил ее психику. Подчинил ее себе без остатка. Как всякий параноик, он мог влиять на психически неуравновешенных людей. А Магда, она была из тех, кто ищет, кому подчиниться.

– Но вы перед ним устояли...

– Что вы имеете в виду?

– Ну, его наверняка тянуло к такой красивой женщине, как вы, Ольга Константиновна.

– Ого, вы, оказывается, способны на комплименты...

Чехова по-женски улыбнулась Реброву, так же по-женски хорошо отработанным жестом поправила волосы.

– А что касается Геббельса... Он всегда был покрыт кварцевым заггаром, что ему не очень помогало. Он выглядел так, будто только что из преисподней, где грелся у адского огня. Колченогий калека с лицом обезумевшего фанатика. Сначала он поддерживал меня как актрису, но потом наши отношения испортились... Хотя я и актриса, но не могла скрыть, что он противен мне.

Чехова передернула плечами.

– Знаете, через месяц после нападения на Россию у Геббельса был прием. Там праздновали предстоящее взятие Москвы. Геббельс сказал во всеуслышание: «У нас есть эксперт из России – фрау Чехова. Я думаю, она подтвердит мое твердое убеждение, что война закончится к зиме и Рождество мы будем праздновать в Кремле. На Красной площади. А поможет нам русская революция. Я уверен – русские после наших побед взбунтуются против большевиков. И Советский Союз распадется, как империя царя».

Чехова победно усмехнулась.

– Знаете, что я ему ответила? «Революции не будет, герр министр. Перед внешним врагом русские сплотятся и будут сражаться до конца».

– И что же герр министр?

– Он позеленел, а потом прошипел: «Ну что ж, мы обеспечим им такой конец!»

Ребров прошелся по комнате.

– Все это любопытно, конечно, но...

– Но?

– Но я по другому поводу. Не для того, чтобы слушать ваши воспоминания, пусть и любопытные...

Ребров проговорил это сердитым голосом, словно раскаиваясь, что позволил Чеховой вести разговор так, как того хотелось ей.

– Ольга Константиновна, давайте вернемся в день сегодняшний. У нас есть сведения, что вы встречаетесь с американцами.

– И это вы знаете! Вы следите за мной?

– Наблюдаем, – поправил ее Ребров. – Для вашей же безопасности. Кто они, эти люди? Что им от вас надо?

– Тот, кто был у меня, назвался Фрейзером, представителем киностудии «Парамаунт». Предлагал подписать с ними контракт и уехать в Америку.

– Это все?

– Все. И он обещал появиться снова. И сказал, что отказа они не потерпят. Кто такие они – я не знаю.

– Признаться, мне хотелось бы взглянуть на мистера Фрейзера. Сдается, на студии «Парамаунт» не очень-то осведомлены о его деятельности...

– Вы думаете?

– Берлин сегодня кишит сомнительной публикой всех сортов. Когда он появится в следующий раз – задвиньте шторы на окнах. Якобы для того, чтобы вас никто не видел. Для нас это будет сигнал. А сейчас мне пора.

– Я провожу вас. Как это принято по-русски...

Они подошли к калитке, вышли на улицу. Метрах в двадцати стояла машина Реброва. Шофер уже сидел за рулем.

– До свидания? – спокойно спросила Чехова.

– До свидания. И обязательно сообщите, как только появится Фрейзер.

– Яволь, – рассмеялась Чехова. – Не извольте беспокоиться, товарищ майор. Ваше задание будет выполнено.

Ребров невольно улыбнулся и направился к машине. Чехова с грустной улыбкой смотрела ему вслед.

В этот момент к ней вдруг решительно подошла молодая высокая немка, неизвестно откуда появившаяся.

– Вы Ольга Чехова? – резко спросила она.

– Да. А в чем дело?

– Грязная шпионка! Предательница!

Выкрикивая ругательства, она наклонилась к Чеховой так близко, словно хотела укусить ее.

– Ты предала фюрера и весь немецкий народ! Вот тебе!

Девушка неожиданно смачно плюнула Чеховой прямо в лицо. Та невольно отшатнулась, а немка в это время вдруг достала из сумочки, которую держала в руках, пистолет.

Ребров, услышавший голоса, обернулся. И тут же бросился к Чеховой, вытаскивая из кобуры пистолет.

– Бросай оружие! – заорал он, чтобы привлечь внимание немки к себе.

Та повернулась в его сторону, прищурилась и совершенно спокойно, вполне профессионально держа оружие двумя руками, хладнокровно направила пистолет на Реброва, который не мог стрелять, потому что вполне мог попасть в Чехову.

Немка, на лице которой было по-прежнему удивительное спокойствие, уже нажимала на спусковой крючок, когда Чехова обеими руками изо всех сил толкнула ее. И только поэтому выпущенная девушкой пуля не задела Реброва. Теперь между Чеховой и немкой было достаточное расстояние, чтобы Ребров мог стрелять...

Он свалил ее первым же выстрелом.

Подбежав к ним, он прежде всего подобрал выпавший из рук немки пистолет. Потом нагнулся над девушкой – она не дышала. Ребров тяжело вздохнул, повернулся к Чеховой.

– Как вы?

Та молча достала платок и тщательно вытерла бледное лицо.

- Вы ее знаете? – спросил Ребров.
- Чехова, комкая дрожащими пальцами платок, покачала головой.
- Первый раз вижу. Какая-нибудь фанатичная поклонница фюрера...
- Ребров присел и перевернул убитую на спину.
- Совсем молодая, – прошептала Чехова, глядя на тело девушки.
- Судя по тому, как она управляется с оружием, какая-нибудь «блицмедхен», – поморщился Ребров.
- А кто это? – удивилась Чехова. – Я не знаю.
- Молодые немки, которых специально обучали быстрой стрельбе и использовали во время расстрелов...
- Какой кошмар!
- Их тренировали на живых людях. Так что они привыкли убивать.
- Ребров встал, посмотрел на Чехову.
- Вы спасли мне жизнь.
- А вы мне... Она бы просто пристрелила меня. В ней было столько ненависти.

Постскриптум

«Чехова Ольга Константиновна переселена в Восточную часть Берлина – Фридрихсхаген. Переселение произведено силами и средствами Управления контрразведки СМЕРШ. Чехова выражает большое удовлетворение нашей заботой и вниманием в ней».

Из доклада в Москву начальника контрразведки советских оккупационных войск

Глава XIV Горе побежденным

Уютный, нереально чистенький немецкий пригород с аккуратными коттеджами среди садов и цветов в американской зоне оккупации радовал глаз и наводил на мысли о том, какой простой и разумной могла быть жизнь, если бы люди не превращали ее в постоянный кошмар.

У одного из домов стоял военный джип. Двое американских солдат, привычно задрав ноги, нежились, как коты на солнце, весело хохоча время от времени над какими-то своими незамысловатыми шутками.

Сероглазый молодой человек, спрятавшись за раскидистым деревом, закусив губу, слушал их веселый гогот. Он стоял, прислонившись спиной к стволу дерева, запрокинув голову. Глаза его были устремлены на безоблачное небо, лицо страдальчески искажено.

Когда из дома вышел американский офицер и направился к джипу, сероглазый напрягся и по-охотничьи подобрался. Но предпринимать ничего не стал. Дождался, когда джип с американцами укатил, и, убедившись, что вокруг никого нет, быстро направился к дому.

Постучав в дверь, он пригладил волосы и одернул свой тесноватый пиджак.

Дверь открыл пожилой горбоносый мужчина с седыми волосами, тщательно расчесанными на прямой пробор.

– Олаф, дорогой мой, наконец-то!

Мужчина обнял сероглазого и повел в дом.

– Я, признаться, уже стал беспокоиться, не случилось ли что с тобой? Куда ты пропал? Почему так долго добирался?

– Я в порядке, господин барон. Просто я довольно долго ждал, прячась за углом. Не мог же я появиться, пока у вас тут были эти... новые хозяева.

Человек, которого назвали бароном, внимательно посмотрел на Олафа.

– Ты чем-то угнетен? – заботливо спросил он.

– Чем-то?

Олаф прошел в просторный кабинет, привычно сел в массивное кожаное кресло. Он явно чувствовал себя у барона как дома.

– Вы еще спрашиваете! Во что превратилась Германия! Что стало с немцами? На ресторанах предупреждение – немцам вход запрещен. Немки открыто продают себя за американские сигареты и чулки. Да еще стоят при этом в очереди...

– *Vae victis*, мой мальчик, – спокойно произнес барон. – Горе побежденным. В случае поражения победители убивают мужчин, женщин берут в наложницы, а в святых местах побежденных устраивают бордели или конюшни. Так было всегда. И тем идиотам, которые довели Германию до такого состояния, надо было помнить об этом, когда они затевали весь этот бедлам.

Барон усмехнулся и еще раз повторил:

– *Vae victis*. Вы не смогли победить, так что опуститесь на колени и надейтесь на милость победителей... Именно это только что сказал мне американец, которого ты, наверное, видел.

Барон прошелся по комнате, встал напротив Олафа и сказал:

– Но мы можем рассчитывать не только на милость.

– На что же еще? На жалость? Или их плохую память?

– На их хорошую память! Они должны вспомнить, что это Германия, а не Россия, часть западного мира. И именно Германия может защитить их от коммунистического нашествия. И только Германия. И, знаешь, они уже вспомнили... А еще у них есть интерес к нашим достижениям. Германия слишком серьезная сила, чтобы Запад мог уступить ее русским. А его разногласия с Россией слишком фундаментальны. Там это очень хорошо понимают.

– Если они понимают, то почему согласились на суд, который навсегда превратит немцев в проклятый народ?

– Потому что те идиоты, которых будут судить, наворотили слишком много мерзостей, – наставительно сказал барон. – Слишком много, чтобы можно было просто закрыть глаза. У этих глупцов даже не хватило духа, чтобы самим отправиться на тот свет до того, как их выставят на потеху всему миру... Я всегда презирал Гитлера, Геббельса, Гимmlера, но они хотя бы покончили с собой.

– Вы в этом уверены?

– Очень на это надеюсь. А эта жирная свинья Геринг, спившийся Лей, сумасшедший Гесс – на что рассчитывают они? Что им удастся отвертеться от петли? Что они смогут доказать свою непричастность к лагерям смерти, газовым камерам?.. Идиоты и еще раз идиоты!

Барон пожевал узкими бескровными губами.

– Будь моя воля, я бы сбросил бомбу на тюрьму, где их содержат, как скотов перед бойней. Вы клялись в любви великой Германии, так сумеете сдохнуть ради нее!.. Но, как ты понимаешь, бомбы у меня сегодня нет.

Он подошел к Олафу и положил ему руку на плечо.

– Не надо отчаиваться, мой мальчик! Всего двадцать пять лет назад Германия тоже лежала в развалинах, и многим казалось, что ей уже никогда не очнуться. Но очень скоро она снова встала во весь свой исполинский рост. Да, благодаря Гитлеру, тут надо отдать ему должное... Но он был параноик и мистик, помешанный на ненависти к евреям и теории расового превосходства... Носился со своим Копьем Судьбы, через которое получает сигналы из космоса... Я думаю, он так сидел в своем бункере в Берлине, потому что был уверен, что хозяева Копья придут и спасут его...

Барон едко усмехнулся.

– «Я, как сомнамбула, иду туда, куда мне приписывает идти Провидение. Я верю в магию Копья... Приобщитесь к тайне, и вы получите весь мир!» Это все его откровения. Нашел, чем хвастаться. Сомнамбула и параноик во главе государства! Разумеется, это могло кончиться только катастрофой.

– Но ему верили миллионы немцев, – напомнил Олаф.

– Да, и за это им теперь придется расплатиться. Но это не значит, что нам с тобой надо встать на колени перед американцами и ждать от них милости.

– А что же нам делать?

– Делать все, чтобы плата за поражение не была чрезмерной, чтобы она не подорвала дух немецкого народа, не легла позорной плитой на немецкую молодежь... И прежде всего нам надо сорвать этот постыдный процесс... Любой ценой. И я надеюсь на твое участие в этом деле. Для этого я и вызвал тебя. У меня на тебя большие планы и надежды.

Олаф непонимающе посмотрел на барона.

– А что мне надо делать?

– Пока тебе надо легализоваться. Тебе сделают настоящие документы, включая справки из американской комендатуры... С ними ты будешь в полной безопасности.

– А вы можете это сделать?

– Скоро ты увидишь, что мы можем очень многое. Ты даже не представляешь себе – сколько. Просто нужно ясно понимать, что нужно делать. Тебе придется забыть, что ты входил в группу особого назначения для проведения разведывательных и диверсионных операций в тылу противника. Что твоим командиром был сам Отто Скорцени... Все эти операции «Дуб», «Длинный прыжок», «Ход конем» остались в прошлом. Теперь тебя ждет операция «Процесс», где тебе не понадобится стрелять и взрывать. Хотя... Кто знает...

Постскриптум

На конференции в Лондоне главные обвинители от четырех стран-победительниц собрались на первое совместное заседание для согласованного списка подсудимых. Предлагалось судить 10–12 человек из разных властных структур нацистов. СССР потребовал, чтобы среди подсудимых находились промышленники, вооружавшие Гитлера, на что не соглашались союзники.

После долгих споров список был утвержден. Суду будут преданы 24 военных преступника из всех властных структур.

Глава XV Будь моя воля!

Жалобно играла шарманка, которую крутил оборванный старик в нелепой шляпе. В нескольких шагах от него люди, как кочевники, устроившись прямо на земле, варили на костре какую-то еду. На двери бара в нескольких метрах от них красовалось объявление «Ночное кабаре! Масса удовольствий! Только для военнослужащих войск союзников! Лучшие немецкие девушки без предрассудков».

– Боже мой, где мы! – невольно покачал головой Олаф. Они с бароном проезжали мимо на внушительном «хорьхе». Олаф, сидевший за рулем, на сей раз был в шикарном темно-синем костюме, который сидел на нем как влитой. Вымытый, выбритый, отоспавшийся и отдохнувший, он теперь был слишком даже похож на ту «белокурую бестию», которую так любили изображать на своих плакатах гитлеровские пропагандисты превосходства арийской нации.

– Где мы? – переспросил с насмешкой барон. – В Германии, которая проиграла войну. Кто-то сказал о нас: «Бойтесь побежденных немцев. Если им не удалось затопить мир в крови, они затопят его своими слезами!» Хватит вздыхать и охать, Олаф. Займемся делом.

– Я слушаю.

– Итак, ты теперь юрист, участвующий в работе Международного трибунала...

– Надеюсь, мне не придется заниматься крюкотворством на самом деле?

– Посмотрим...

– Не пугайте меня, господин барон.

– Думаю, после всего, что ты пережил, испугать тебя не так-то просто.

– Сейчас меня мог бы напугать только русский патруль. Слава богу, здесь их нет – только американцы.

– С русскими тебе предстоит столкнуться, и очень скоро.

– Где?

– На процессе. Подсудимых уже отобрали. Из тех, кто не смог свести счеты с жизнью или пасть смертью храбрых. В списках есть даже Борман, пропавший без вести. Его будут судить заочно.

– Говорят, он скрылся.

– Надеюсь, что только на тот свет. Хотя... Его могли завербовать американцы.

Олаф удивленно посмотрел на барона.

– Да-да, а что тут такого? Пообещали сохранить жизнь в обмен на все тайны, в которые он посвящен. Во всяком случае, я бы на их месте так и поступил. Ладно, забудем о Бормане. Даже если он жив, он никогда уже не появится на людях.

– А чем я должен заниматься на этом процессе?

– Ты будешь числиться помощником адвоката и выполнять мои поручения.

– Адвоката?

– Да, американцы сейчас ищут для обвиняемых адвокатов. Дело нелегкое, поэтому я им помогаю, – засмеялся барон. – Кстати, американцы назначили вполне приличные гонорары, так что желающие в конце концов найдутся. А с твоей помощью я надеюсь знать все, что будет твориться на процессе. Как в зале суда, так и за его пределами.

– Уже известно, где будет проходить суд?

– Да, сначала господа союзники спорили. Американцы предлагали Мюнхен. Русские хотели, чтобы суд проходил в Берлине. Как они выражаются в своих газетах, – в самом логове фашистского зверя. Кстати, очень образно сказано. И выразительно.

– Вы читаете русские газеты?

– Разумеется. Я должен понимать своего противника. Так вот, потом они остановились на Нюрнберге.

– Нюрнберг... Старый добрый Нюрнберг.

– Где германские императоры проводили имперские сеймы, а Гитлер устраивал свои парады и, если верить слухам, хранил в соборе Святой Екатерины то самое Копье Судьбы...

– В силу которого вы не верите.

– Я верю в иронию истории. В снесенном с лица земли центре Нюрнберга, словно специально для такого процесса, остался в целости и сохранности старинный Дворец юстиции и тюрьма совсем под боком. Очень удобно. И безопасно – не надо никуда перевозить подсудимых, никакого риска. Почему бомбы пощадили Дворец? Ведь центр Нюрнберга бомбили безжалостно... Может, тут надо искать божий промысел? И господь тем самым посылает нам какую-то весть? Осталось только разгадать – какую именно?

На перекрестке дороге машине преградил американский патруль. Барон протянул какое-то удостоверение, которое произвело на американского сержанта впечатление, хотя поначалу он был демонстративно груб.

В это время по дороге потянулась группа пленных немцев в сопровождении американского конвоя.

– Куда их ведут? – спросил Олаф.

Сержант покосился на него и, не прекращая жевать резинку, буркнул:

– Смотреть раскопанные рвы, в которых зарывали трупы из концлагеря. Их там столько...

Помолчав, сержант нашел нужным добавить:

– Будут отворачиваться, прятать глаза и твердить, что они ничего не знали. Мы, за тысячи миль от Германии, знали, что тут творится, а вы, немцы, не видели, что творится у вас под носом!..

Олаф изо всех сил сжал руль. Сержант заметил это и усмехнулся. Ему явно нравилось показывать, кто тут теперь хозяин.

– По указанию генерала Эйзенхауэра немцы получают продуктовые карточки только в том случае, если могут предъявить использованный билет на просмотр документального фильма о том, что творили нацисты в концлагерях... Пусть посмотрят на себя! Эх, будь моя воля!..

Колонна пленных наконец освободила путь. Олаф дал газ. Сержант посмотрел машине вслед и смачно сплюнул жвачку.

Уютные кирпичные дома в два-три этажа окружали небольшую площадку для машин, на которой высился флагшток с американским флагом.

– И что тут находится? – поинтересовался Олаф, заруливая на площадку.

– Концлагерь, – невозмутимо сказал барон.

– Концлагерь?

– Именно. Только для высшего германского офицерства. Подожди меня здесь, – сказал барон, выходя из машины.

Он скрылся в одном из домов, а Олаф, положив руки на руль и глядя на американский флаг, вспомнил лагерь, в котором довелось провести несколько дней ему... Это было пустое поле, обнесенное столбами с колючей проволокой, куда сгоняли всех пленных без разбора. Свирепствовала дизентерия. Спали, как звери, прижавшись друг к другу. Охрана забавлялась тем, что швыряла за ограду окурки и наблюдала за драками, которые вспыхивали тут же... Олаф бежал оттуда через два дня, не желая ждать, когда этот лагерь обустроят...

Рядом с ним лихо затормозил джип, из которого выпрыгнул молодой мужчина с сигаретой во рту, в шляпе, сдвинутой на затылок. Типичный американец, каких Олаф уже насмотрелся достаточно.

– Привет, где тут начальство? – поинтересовался, блестя ослепительно-белыми зубами, американец.

– Не знаю. Я немец, – угрюмо ответил Олаф.

– Я тоже, – залился смехом американец. – Только мои родители уехали из Германии лет этак сто назад.

– А я здесь родился.

– Не повезло. Надеюсь, вы не из гестапо? И не из СС?

– Нет, я юрист.

– Ого! Быть юристом при Гитлере... Видимо, увлекательное занятие! – покачал головой американец. – Ладно, пойду на разведку. Мне сказали, что тут немецких генералов – видимо-невидимо. Не знаете, чем они тут занимаются?

– Видимо, дают показания.

– Интересно было бы послушать. Наверное, это неплохой товар по нынешним временам... Думаю, его можно будет выгодно продать...

Олаф пожал плечами – кому это нужно?

– Я издатель, – пояснил американец. – Покупаю и продаю лучшие воспоминания о тысячелетнем рейхе, который просуществовал всего десяток лет... Кстати, нет желания поделиться воспоминаниями «Как я осуществлял правосудие при Гитлере»?

Американец, довольный своей дурацкой шуткой, насмешливаясь, пошел к домам. Олаф со свинцовой ненавистью смотрел ему вслед.

Где-то через час из дома вышли барон и мужчина в военной немецкой форме без погон. Какое-то время они еще прогуливались по асфальтовой дорожке, наконец распрощались.

Когда выехали за территорию лагеря, Олаф спросил:

– По-моему, это был генерал Цейтцлер из генерального штаба?

– Он самый.

– Могу я спросить, чем они тут занимаются?

– Они составляют отчеты о ходе военных кампаний вермахта. Причем преимущественно на Восточном фронте.

– И кому такие отчеты понадобились?

– Американцам, разумеется. Хочешь спросить – зачем? Думаю, они хотят избежать тех ошибок, что мы допустили на Восточном фронте.

Олаф удивленно посмотрел на барона:

– Не хотите же вы сказать, что они готовятся воевать с русскими?

– А тебя тут что-то смущает? – невозмутимо спросил барон. – Ты не представляешь себе, как все могло перевернуться еще в апреле... Тогда господин Черчилль заявил, что новое время требует создания новых ситуаций. Английские войска получили приказ складировать трофейное немецкое оружие, а сдавшихся в плен немецких солдат и офицеров размещать в Шлезвиг-Гольштейне и Южной Дании целыми дивизиями. То есть они могли в любой момент превратиться в боеспособные части. Поначалу мы не могли понять смысла этих действий господина премьер-министра, но после смерти президента Рузвельта цель стала ясна. Черчилль предложил новому американскому президенту жестко остановить продвижение русских войск. Угрожая силой и новой войной. Операция была уже разработана британским штабом и носила кодовое название «Немыслимое». В ней должны были принять участие как раз те самые нерасформированные немецкие дивизии, о которых я говорил. Была даже назначена дата начала новой войны – 1 июля...

– Звучит как сказка, – не поверил Олаф. – Действительно «Немыслимое».

– И, тем не менее, это реальная политика. Черчилль хотел любой ценой остановить русских. Любой ценой не пустить их в Европу.

– И что же ему помешало?

– Американцы не решились. Их генералы слишком хорошо представляли себе, что значит воевать сегодня с русскими. Кроме того, они очень рассчитывают на помощь русских в войне с японцами. Без русских они могут воевать с японцами еще годы и нести огромные потери. А президент Трумэн в свою очередь очень надеется, что русские испугаются атомной бомбы, которую они взорвали в Японии.

Олаф помолчал, потом сказал с усмешкой:

– Мне даже стало жалко русских – получить от союзников такой удар в спину.

– Что ты хочешь от англичанина?

– Интересно, знали ли об этом русские? Об этом самом «Немыслимом»?

– Думаю, кое-какая информация на сей счет у них была. Поэтому они и решили взять Берлин как можно быстрее. И чего бы им это ни стоило. Чтобы продемонстрировать своим

добрым союзникам, на что они способны. Американцы и англичане на такие битвы не годятся. Так воевать могут только два народа в мире – русские и немцы. И если бы они воевали вместе, перед ними никто бы не устоял. Но они почему-то все время воюют друг с другом...

Машина катила по лесной дороге, когда прямо перед ней вдруг обрушилось дерево. Олаф едва успел затормозить. Затем с шумом рухнуло дерево сзади. Все пути оказались отрезаны. На какое-то время наступила абсолютная тишина.

Олаф сунул руку под сиденье и достал пистолет.

– Кто это может быть? – спросил барон.

– Это не американцы. И вряд ли русские, – спокойно сказал Олаф. – Или это какой-то сброд из тех, кого завозили сюда на работы, или голодные немцы...

– Черт, какая глупость! Не хватало еще погибнуть от рук каких-то голодранцев.

– Я выйду, господин барон. Вы оставайтесь пока в машине и пригнитесь. Дверь не закрывайте. Если начнут стрелять по машине, постарайтесь выбраться...

Олаф приоткрыл дверцу и крикнул:

– Не стрелять! Мы немцы! Можем поговорить.

Тишина была ему ответом. Он выскользнул из машины и, напряженно оглядываясь по сторонам, пытался понять, откуда может грозить опасность.

Наконец впереди качнулись ветки, и на дорогу вышел человек в защитной униформе со «шмайсером» в руке. Он держал автомат за рукоятку дулом вниз и неторопливо шел к машине. Перепрыгнув через ствол, загораживавший дорогу, он подошел совсем близко.

– Господи, Гюнтер! – закричал Олаф. – Это ты!

– А кто же еще? – засмеялся Гюнтер. – Какой ты стал важный и богатый. Может, сигаретой угостишь?

– Сейчас.

Олаф вернулся к машине и взял лежавший на заднем сиденье блок сигарет.

– Кто это? – осведомился барон.

– Мой сослуживец Гюнтер Тилковски. Еще месяц назад мы вместе прятались в лесах. Минуту, господин барон, одну минуту.

Вручив Гюнтеру сигареты, Олаф спросил:

– А ты все скрываешься?

– Да, знаешь, не тянет в лагерь на американскую баланду, – насупившись, сказал Гюнтер и закурил.

– Вас тут много?

– Несколько групп. Но ты же знаешь, нам не нужны полки. Десяток таких ребят, как ты и я, могут многое. Кстати, сегодня вечером мы перебазировемся, поэтому немного спешим.

– Далеко?

– В Нюрнберг.

– В Нюрнберг?

– Да, говорят, там будет серьезное дело.

– Не буду тебя задерживать. Я тоже еду в Нюрнберг. Там и увидимся.

– Надеюсь, мы будем на одной стороне? Мне не хотелось бы воевать с тобой, дружище.

– Мне тоже. Только я буду работать под прикрытием.

– Ну, тебя-то я ни с кем не спутаю.

Они обнялись. Гюнтер помахал рукой, и несколько парней в камуфляже убрали дерево с дороги.

Когда отъехали достаточно далеко, Олаф задумчиво сказал:

– Гюнтер говорит, что они перебираются в Нюрнберг.

– Я слышал, – кивнул барон.

- Что это значит?
- Это значит, что есть люди, которые хотят организовать нападение на трибунал, освободить заключенных и переправить их в какой-нибудь Парагвай...
- Вы думаете, это возможно?
- Сначала хорошо бы понять, какой будет охрана на процессе и какие силы потребуются для такой операции... Но ты знаешь мою позицию. Если бы мне даже удалось их спасти, до Парагвая я бы их не довез... Они уже отработанный историей материал и могут в живом виде только мешать. К сожалению, решения принимаю не я один.

Постскрипtum

Посольство США в Буэнос-Айресе выясняет обстоятельства, связанные с сообщением о том, что Гитлер и Ева Браун высадились с подводной лодки № 530 на острове Куин Мауд в Антарктике, близ Южного полюса. Вскоре после этого подводная лодка № 530 сдалась аргентинцам.

Газеты сообщают, что на острове было создано немецкое поселение «Берхтесгаден» еще во время германской экспедиции в 1938–1939 годах. Возможно, подводная лодка № 530 является одной из группы подводных лодок, которые вышли в самом конце войны из немецких портов, направляясь в Антарктику.

Глава XVI **«Альпийское» золото**

В своей берлинской резиденции генерал Филин сочинял очередное донесение в Москву, когда вошел Ребров.

- Вызывали, Сергей Иванович?
- Да. Мы перебираемся в Нюрнберг. Так что готовься к отъезду. Кстати, ты будешь аккредитован на процессе в качестве эксперта нашей делегации.
- По каким вопросам?
- По историческим, юридическим, международным... Выбирай на вкус! Помнишь, у Маяковского? – улыбнулся Филин.
- Кем работать мне тогда, чем заниматься?
- Ну, чем заниматься, я тебе подскажу. В общем, в Нюрнберге станешь практически человеком свободной профессии. Чувствуй себя вольно, но не зарывайся. Там будет работать специальная бригада Главного управления контрразведки «СМЕРШ» – решать оперативные вопросы. Возглавит ее полковник Косачев. А этот человек имеет обыкновение решать вопросы самыми грубыми способами.
- Есть не зарываться, товарищ генерал.
- А теперь самое важное. В Нюрнберге будет работать наш агент. Его кличка – Гектор. Надо разработать надежную схему получения информации от него. Учитывая, сколько там будет американских, английских и прочих спецслужб, надо придумать что-нибудь необычное. Засветить этого агента мы не имеем с тобой права. Это абсолютно исключается. Вот, кстати, его последнее сообщение. Оно пришло из Москвы:

«В лагерь, где под присмотром и по заданию американцев немецкие генералы анализируют ход войны на Восточном фронте, свозится огромное количество документов. Не исключено, что в ходе ознакомления с ними немцы смогут уничтожать некоторые документы, которые могли быть использованы против них. И в первую очередь, доказывающие, что они долго

и тщательно готовились к нападению на Советский Союз. На предстоящем процессе они собираются это всячески отрицать».

– Это что же, будут доказывать, что это мы на них напали?

– Они, понимаешь ли, были вынуждены напасть на нас. Превентивный такой удар нанесли. Из самых лучших побуждений. Чтобы защитить Запад, форпостом которого от большевистской агрессии, как выясняется, они были и остаются...

– Да кто им поверит!

– Кому надо, тот и поверит. Или сделает вид, что верит. Кстати, обо всем этом ты можешь лично расспросить господина Геринга.

– Кого? – изумленно уставился Ребров на Филина.

– Рейхсмаршала Геринга, – невозмутимо повторил тот. – Слышал о таком? Американцы наконец разрешили нам допросить его, а все наши следователи еще в Москве. А тебе, кстати, и переводчик не нужен. Так что не будем упускать шанс – поработаешь пока немного следователем. Дело нехитрое. Задашь ему несколько вопросов. Разогреешь его перед тем, как за него возьмутся наши следопыты. Собирайся в Мондорф, это в Люксембурге. В общем, поговоришь с Герингом по душам. Кстати, спросишь его про «альпийское золото». Тот же Гектор сообщает, что американцы этим страшно интересуются. С вопросами я тебе помогу.

– А что мы о нем знаем? Об этом самом золоте?

– Ну, что... Что еще до начала войны Гитлер заложил в Альпийских горах восемь секретных, тщательно замаскированных шахт, в которых хранились золотые и платиновые слитки. Это был запас на черный день. Во время войны таких шахт стало тринадцать. Все заключенные, которые вели работы, были уничтожены эсэсовцами. Потом уничтожались и те, кто уничтожал их. Американцы думают, что, кроме Гитлера, знать, где золото было спрятано, могли Гиммлер, Геббельс, Борман, Геринг и Лей, как один из самых близких к Гитлеру людей. Гиммлер и Геббельс мертвы, Борман исчез... Остались Геринг и Лей... Оба они в руках американцев. Лея американцы, кстати, допросить нам не позволили, говорят, он очень плох – то ли болен, то ли свихнулся от пьянства. А вот Герингу вопрос про золото задай...

– Думаете, он сразу все и расскажет?

– Не думаю. Но за реакцией понаблюдай.

– А может, не стоит про золото спрашивать?

– Это почему?

– Ну, американцы будут все писать, зачем им знать, что мы знаем про «альпийское золото»?

Филин наставительно сказал:

– Как раз для этого ты и спросишь. Пусть знают, что мы знаем. И захватить золото втихую не получится.

Постскриптум

«6 апреля 1945 года 12-й корпус американской армии генерала Паттона обнаружил в подземных хранилищах соляного рудника в Меркерсе (Германия) золотые слитки, золотые монеты, ящики с почти тремя миллиардами рейхсмарок и саквояжи с добром, конфискованным немцами у жертв концлагерей. А также предметы искусства, которые, по более поздним оценкам, составляли четверть того, что содержалось в Музее искусств в Берлине. Обеспокоенный тем, чтобы вывезти все сокровища до прихода

советских войск, Паттон обеспечил грузовики, танки, воздушное прикрытие и дал батальон рейнджеров».

Из воспоминаний Хэпа Гей – начальника штаба армии Паттона

Глава XVII

Голубые чемоданы

Ребров в сопровождении молоденького американского офицера шел по коридору гостиницы «Гранд-отель» в люксембургском городке Бад-Мондорф.

– Мы их свозим сюда со всей Германии, – охотно рассказывал на ходу американец. – Ждем, когда отремонтируют тюрьму в Нюрнберге, тогда отправим их туда. Мы их тут приводим в чувство. Вот камера Роберта Лея. Хотите взглянуть на этого героя?

Американец подозвал часового, разгуливавшего по коридору, и тот открыл дверь камеры.

Лей встретил их стоящим по стойке «смирно». Он выглядел уже протрезвевшим. Смотреть на этого немолодого уже человека, стоящего навытяжку и пожирающего вошедших глазами, было даже неловко.

Когда дверь снова закрыли, Ребров спросил:

– Таковы тюремные правила – встречать входящих по стойке «смирно»?

– Нет, они сами вытягиваются так, что кости трещат. Немцы, что вы хотите? Порядок и дисциплина у них в крови. Кстати, тюрьма многим из них идет на пользу. Вот Лей, когда его сюда доставили, ничего не соображал. От него разило, как от пивной бочки. Зато теперь все время просит бумагу и чернила и что-то там сочиняет.

– Вы читаете?

– Нет. Для этого здесь есть специальные люди. Целая команда, – засмеялся американец.

– Понятно.

– А Геринг! Видели бы вы, сколько чемоданов он привез с собой! Причем все они были из нежно-голубой кожи. Представляете себе? Голубые чемоданы! Чего в них только не было!.. Мешки крестов и золотых перстней! Только золотых маршальских жезлов с бриллиантами несколько штук. Но при этом он еще канючил, что у него сперли жезл рейхсмаршала! Вы не представляете эту гору барахла. Нам просто некуда было их девать. Еще там были чемоданы со жратвой на все вкусы... А потом мы нашли кучу таблеток, как выяснилось, заменителей морфина. Он трескал их горстями утром и вечером. Мы хотели отобрать их у него, но врачи сказали, что если он резко прекратит прием, то просто немедленно свихнется. Поэтому сейчас мы потихоньку уменьшаем ему дозы. Делаем из законченного наркомана человека. Так что благодаря этой чистке его уже можно допрашивать... А вот и комната для допросов. Устраивайтесь, его сейчас приведут.

В небольшой комнате стояли два стола. За тем, что был в углу, сидели американский офицер с небольшими аккуратными усиками и две девицы в военной форме, жующие резинку.

– Это наш следователь, переводчица и стенографистка. Они будут присутствовать на допросе, вести стенограмму, – объяснил Реброву его словоохотливый спутник.

Когда он ушел, Ребров устроился за пустым столом у окна. Положил перед собой бумаги и карандаш, принесенные с собой, пригладил волосы. Девицы, не скрываясь, разглядывали его и, прыска, обменивались впечатлениями.

– Вам уже приходилось допрашивать Геринга? – спросил Ребров усатого следователя.

Он слегка волновался – все-таки Геринг как-никак! Можно ли было представить себе такое пару лет назад?

– Да, и не раз, – вдруг откровенно зевнул тот.

Видимо, для него это была уже поднадоевшая рутина.

– И что вы можете о нем сказать?

– Это весьма странный и злобный человек. А кроме того, он мастер притворяться, ломать комедию. Каждый раз он ведет себя по-разному... А вообще-то, по-моему, он профессиональный лжец и фантастический сукин сын.

В этот момент двое солдат завели в комнату Геринга. На нем был мешковатый китель без погон и слишком просторные даже для этого толстяка брюки. Геринг по сравнению с кадрами кинохроники, на которых его видел Ребров, выглядел сильно похудевшим, осунувшимся, каким-то обветшалым. Усевшись на указанный ему стул, он улыбнулся и доброжелательно уставился на Реброва. Он словно демонстрировал, что совершенно готов к сотрудничеству. И был совершенно не похож на «фантастического сукина сына». Американец в углу наблюдал за ним с саркастической усмешкой.

Представившись просто майором, Ребров задал заранее придуманный неожиданный вопрос, чтобы сбить Геринга с толка:

– Владеете ли вы русским языком?

Геринг на какое-то время и впрямь опешил, а потом любезно сообщил:

– Нет, я знаю только одно русское слово – «великий».

– Чем же это слово оказалось для вас столь примечательно?

– Под Великими Луками мы столкнулись с большими затруднениями в военных действиях. Тогда я потребовал разъяснить мне, что означает слово «великие».

Похоже, Геринг был непрочь пуститься в воспоминания, но Ребров, тезисно записывая ответы Геринга, резко перебил его:

– Как вы отнеслись к факту нападения Германии на Советский Союз?

– Когда я узнал о военных планах Гитлера, я просто пришел в ужас. Я неоднократно пытался отговорить фюрера от его намерений воевать с русскими. Но фюрер буквально носился с мыслью войны против России, и разубедить его я не мог. Он говорил, что это указание свыше, – Геринг с усмешкой показал на потолок. – Он же был большой мистик. Ездил в Нюрнберг, чтобы беседовать с духами древних германских воинов...

– Почему в Нюрнберг?

– Потому что именно там в храме Святой Екатерины вроде бы было хранилище так называемого Копья Судьбы. Он был уверен, что Копье хранит его от краха... Гесс объяснял мне, что для Гитлера поход на Восток был санкционирован каким-то там Центром космических контактов на Земле... И потому должен был состояться во что бы то ни стало.

– Но в своих публичных выступлениях вы тоже говорили о своей ненависти к Советскому Союзу, о том, что «Советский Союз будет раздавлен»?

Геринг удивленно посмотрел на Реброва. Затем удивление сменилось мягкой укоризной.

– Я был бы очень удивлен, если бы вы могли предъявить мне хотя бы одну мою речь, сказанную в этом духе, – аккуратно выбирая слова, сказал он. – Вопрос стоял не о ненависти или любви к Советскому Союзу, а о целесообразности войны с ним. Я считал, что воевать с СССР нецелесообразно, но вместе с тем я всегда был противником вашего мировоззрения. Мне тут нечего скрывать. Мои мысли известны всему миру.

– Насколько Гитлер доверял вам государственные секреты в последнее время?

– С тех пор как пост секретаря партийной канцелярии занял Мартин Борман, мой главный противник, меня старались не допускать к ним. Никогда в жизни я не пользовался таким влиянием на Гитлера, как Борман за последние годы. Знаете, как в узком кругу мы называли Бормана? «Маленький секретарь, большой интриган и грязная свинья», – с удовольствием доложил Геринг.

– Каковы были ваши личные взаимоотношения с Гитлером?

– Мои отношения с фюрером были отличными до 1941 года, – гордо выпрямился Геринг. – В ходе войны они все время ухудшались, пока не дошли до полного краха. Гитлер

снял меня с должности, исключил из партии и приговорил к смерти. 22 апреля Гитлер заявил, что он остается в Берлине и умрет там. Они там, в бункере, посходили с ума... Если бы вы знали, что там происходило!

– Расскажите об обстановке в Ставке Гитлера непосредственно перед капитуляцией.

– Говорить о капитуляции в Ставке запрещалось. Еще 20 апреля Гитлер говорил о возможности победоносного окончания войны. О каком-то оружии возмездия и тайных силах, которые спасут его... Когда я видел его последний раз, это была развалина – голова у него болталась, руки дрожали, голос невнятный. Однако при этом он без колебаний выносил смертные приговоры, никому не доверял. Он как будто действительно слышал голоса и внимал только им... В общем, это был конец.

– Как относились вы лично к расовой теории Гитлера, которую он ставил в основу своей политики?

– В такой резкой форме, как она ставилась Гитлером, я ее никогда не разделял. В то, что мы полубоги, я никогда не верил.

– А Гитлер?

– Для Гитлера это было несомненно. Полубог с Копьем Судьбы наперевес, – хмыкнул Геринг и даже вроде бы подмигнул Реброву.

– Вы понимаете, что вам предстоит предстать перед Международным трибуналом, который оценит ваши действия и их последствия для народов разных стран?

– Понимаю. Но я не верю в справедливый суд победителей над побежденными. Это политическая затея с predetermined исходом, и я заранее готов к последствиям.

Геринг вдруг резко изменился. Он приосанился, принял величественную позу, а в голосе его появились властные интонации.

– За то, что на моей совести, я готов нести ответственность. Но уж никак не за то, что на совести других.

– Не только победители, но и немцы сейчас считают, что на вашей совести вполне достаточно, – решил сбить с него спесь Ребров.

– Поменьше слушайте, что сейчас болтают немцы. Они сейчас раздавлены и лижут сапоги победителей. А что они говорят обо мне... На это мне в высшей степени наплевать. Я отлично помню, что они говорили еще совсем недавно и как рыдали от счастья, увидев фюрера. Пока все шло как по маслу, они обожали и боготворили нас. Не беспокойтесь, я наш народ знаю!

– Интересное признание, – заметил Ребров.

Геринг самодовольно усмехнулся.

– Вы уверены в самоубийстве Гитлера? И не считаете ли это трусостью – то, что он повел себя так?

– Трусость? Нет. Гитлер заранее объявил близким людям, что они с Евой Браун уйдут из жизни. Сами. Он был фюрером великого Германского рейха. Не могу себе представить, чтобы он сидел в камере и ожидал суда над собой как над военным преступником. Суда иностранцев! Он был слишком велик для этого!

– Но ведь в конце войны он хотел вас расстрелять?

– Это ничего не меняет. Он был символом Германии. Нет, я ни за что на свете не хотел бы видеть фюрера перед судом победителей. А вот на Гимmlера посмотрел бы с удовольствием. Пусть бы ответил за себя и своих подручных!.. Мне никогда не понять, как он и его эсэсовские генералы творили все эти ужасы! Как они могли при этом оставаться в ладах со своей совестью?!.. Непонятно.

Ребров с изумлением заметил, что Геринг говорит все это чуть ли не с искренним возмущением. Можно было и впрямь подумать, что сам он ни о чем не догадывался. Он посмотрел на американского офицера, и тот выразительно развел руками – мол, я предупреждал. Ребров

внимательно посмотрел на Геринга – сейчас, когда он такой искренний, самое время задать вопрос поострее.

– Что вы можете сказать о так называемом «альпийском золоте»? Вы знаете, где его спрятали?

Американский офицер тут же насторожился. Ребров заметил это краем глаза, но продолжал гнуть свое.

– Я говорю о золоте, которое было награблено в захваченных странах и спрятано в горных шахтах.

Геринг прикрыл глаза. Теперь он стал сразу похож на воздушный шар, в который ткнули иглой.

– Я устал. У меня болит сердце. Ведь меня лишили необходимых лекарств...

Лицо его действительно посерело и покрылось каплями пота. Было ясно, что разговор продолжать дальше бессмысленно.

Когда его вывели, усатый следователь проворчал вслед:

– Борман, видите ли, грязная свинья! А сам ты кто? Его слушаешь, так лучшего друга у евреев, чем он, не было.

– Его в окружении Гитлера называли «жирной свиньей», – усмехнулся Ребров.

– Все они там были свиньи. Зато считали себя хозяевами мира! С космическими связями. Скорее бы их всех повесили! Все на сегодня? – потянулся американец. – А то, может, пропустим по стаканчику? Смочим глотку?

– Я бы хотел еще поговорить с Кейтелем.

– Кейтель так Кейтель, – махнул рукой американец. – Сейчас его приведут.

– А что представляет собой этот... фельдмаршал?

– Этот тихий и послушный. Со всеми раскланивается и убеждает каждого, какой мало-значительной фигурой он был. Просто начальник Генерального штаба. Всего-навсего. Никаких полномочий, никакой власти. Просто передавал приказы Гитлера в войска и следил за их исполнением... Такой вот тихий чиновник. Хотя и фельдмаршал.

Фельдмаршал Вильгельм Кейтель внешне представлял собой типичного прусского офицера – сухой, прямой, про таких говорят – аршин проглотил. Аккуратнейший пробор в седых желтоватых волосах, небольшие сивые усики. Как и у всех остальных пленных, на мундире его не было ни погон, ни каких-либо других знаков различия. С ним Ребров решил говорить сухо и по-деловому.

– Вы – генерал-фельдмаршал, начальник Генерального штаба вооруженных сил Германии, – жестко начал Ребров. – Прошу вас ясно и четко ответить на вопрос, с какого времени Германия начала подготовку к войне против Советского Союза и какое участие вы принимали в этой подготовке?

Кейтель прокашлялся и доложил:

– Генштаб располагал данными, что с ранней весны 1941 года Советский Союз приступил к массовому сосредоточению своих сил в приграничных районах, что свидетельствовало о подготовке СССР если не к открытию военных действий, то, по крайней мере, к оказанию открытого военного давления на внешнюю политику Германии. Все подготовительные мероприятия, проводившиеся нами до весны 1941 года, носили характер оборонительных приготовлений на случай возможного нападения Красной армии. Конечно, при подготовке этих мероприятий мы решили избрать более эффективный способ, а именно – предупредить нападение Советской России и неожиданным ударом разгромить ее вооруженные силы.

Я должен подчеркнуть, что в наши расчеты не входило полное завоевание России.

Очевидно было, что Кейтель отвечает на вопросы хорошо продуманными и отточенными от долгого повторения формулировками. Видимо, только этим он в заключении и занимался.

– А какими же были ваши расчеты? – невозмутимо поинтересовался Ребров, хотя внутри у него все клокотало – оказывается они просто хотели предупредить нападение! Всего-навсего!

– Мероприятия в отношении России после разгрома Красной армии намечались только в форме создания военной администрации. О том, что предполагалось сделать позже, мне неизвестно. По крайней мере, я знаю, что при разработке планов войны на Западе немецкое командование и политическое руководство никогда не задавалось определенными политическими формами, которые должны были быть установлены в государствах после их оккупации.

– И вам неизвестны планы расчленения СССР? Превращения славян в рабов? Уничтожения евреев и коммунистов?

– Разумеется, нет, – еще больше вытянулся Кейтель на своем стуле. – Я ничего не слышал о таких планах. Ничего и никогда.

– Понятно. Тогда как вы объясните это?..

Ребров достал из папки подготовленные Филиным документы.

– 16 сентября 1941 года вы издали распоряжение немецким войскам, в котором говорится: «Человеческая жизнь, в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие на противника возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

Кейтель прикрыл глаза и пробормотал:

– Я не помню такого распоряжения. Я солдат, а не каратель.

– Ну-ну...

Углубляться в тему Ребров не стал, потому что пора было задать главный вопрос, который поручил ему поставить генерал Филин именно перед Кейтелем.

– Что вам известно о так называемой армии Власова? Какую роль предназначало германское командование для самого Власова?

– Насколько мне известно, генерал Власов был взят в плен в районе 18-й армии. Армейская рота пропаганды начала распространять листовки за его подписью. Отсюда и берет начало вся история с власовскими войсками. Я точно не помню, но мне кажется, что сначала Власова заметило Министерство иностранных дел... Серьезное внимание Власову Генеральный штаб сухопутной армии уделил весной 1943 года.

– После разгрома ваших войск под Сталинградом и пленения фельдмаршала Паулюса.

– Так точно. Генштаб сухопутных войск предложил сформировать и вооружить русские части под командованием генерала Власова. Однако Гитлер самым решительным образом запретил формирование вооруженных русских частей и отдал мне приказание проследить за выполнением его директивы. После этого Власов был взят мною под домашний арест и содержался в одном из районов Берлина. Гиммлер также выступал против формирования русских частей под эгидой Генштаба сухопутной армии.

– Как же они оказались на фронте, если все были против?

– В октябре – ноябре 1944 года Гиммлер изменил свое отношение к Власову. Он специально посетил меня, чтобы узнать, где находится Власов, и переговорить с ним. Он предложил мне доложить фюреру о необходимости формирования русских частей и использования генерала Власова. Я от этого решительно отказался. Но в дальнейшем Гиммлеру удалось получить разрешение фюрера на создание русской дивизии, которая, насколько я знаю, была брошена в бой в апреле 1945 года южнее Франкфурта-на-Одере. Покровительство Власову оказывали только Гиммлер и СС... И вообще я должен заявить, что германская армия была воспитана на благородных принципах прусских воинов, а все безобразия творили войска СС.

Когда Кейтеля увели, американец взорвался:

– Нельзя верить ни одному их слову! Даже когда им предъявляют документы, они все отрицают. Как эти мелкие людишки могли натворить столько зла?

Постскриптум

Молодой датчанин нашел близ Роскильде запечатанную бутылку с немецкой этикеткой, в которой находилось письмо немецкого моряка. Письмо написано готическим шрифтом. Сама бутылка сделана по заказу на одном из гольштейнских пивоваренных заводов.

В письме говорится:

«Это последние строки одного из оставшихся в живых на подводной лодке «Хауцилус», на которой скрывался фюрер немецкого народа Адольф Гитлер. Лодка находилась на пути из Финляндии в Испанию, натолкнулась на потонувший корабль и дала течь. Мы могли выдержать еще приблизительно 15 часов под водой, и за это время я написал это сообщение...

Фюрер в момент катастрофы находился в (*неразборчивое слово, оканчивающееся на, ... каммер*"), которая была задраена, поэтому оказался отделен от нас, остальных.

Я огласил это, чтобы опровергнуть слухи, будто фюрер сгорел в имперской канцелярии...

С трехкратным «Хайль» за нашего любимого фюрера покидаю судно. Скоро мы опять будем свободны! Мы вернем Германии ее прежнюю силу и величие!»

Подпись: Ганс Рутенбюргер

Глава XVIII

Не забудьте задернуть шторы!

Чехова сидела в кресле, а перед ней по-хозяйски расхаживал суровый господин Фрейзер. Он ворвался в дом пару минут назад так неожиданно, что она даже не успела задернуть шторы, о чем договаривалась с Ребровым. Теперь она ломала голову над тем, как это сделать. Летний вечер был слишком светел, чтобы ее решение задернуть шторы не выглядело подозрительным для Фрейзера, который и так постоянно подходил к окну и настороженно оглядывал двор.

Фрейзер подошел к телефону и, не спрашивая позволения, набрал номер.

– Попросите майора Брэдли... Да, я у нее... Надеюсь, сегодня она будет понятливее, – нагло глядя прямо на Чехову, сказал он.

– Что это все значит, мистер Фрейзер? – спокойно поинтересовалась Чехова, когда он очередной раз выглянул в окно. – Вы сегодня выглядите чрезмерно взволнованным. У вас появились конкуренты по части интереса к моим интимным отношениям с Гитлером?.. Может, вы еще и шторы задернете, чтобы нас никто не видел?

Фрейзер задумчиво посмотрел на нее, потом решительно задернул шторы. Чехова даже вздохнула с облегчением – удалось.

Тем временем Фрейзер взял стул и уселся прямо напротив нее. Взгляд его был злым и холодным.

– Госпожа Чехова, оставьте свою иронию. Будем говорить серьезно. Все предложения, которые я вам делал относительно контрактов и мемуаров, были и остаются реальными. Это настоящие американские деловые предложения. Но они вступят в силу, если вы примите еще одно наше предложение. Так сказать, секретное дополнение к ним, – криво усмехнулся он.

– И что же это за секреты?

– Вы работаете на русских... Да-да, и не надо возражать! Причем я не имею в виду годы войны. Я имею в виду сегодняшний день. Вы летали в Москву, где провели достаточно много времени. Слишком много времени, чтобы считать это случайностью. Вы встречались там с руководством российских спецслужб. Здесь вы живете под присмотром русских и регулярно общаетесь с русскими офицерами... Не надо уверять меня, что вы просто болтаете с ними о жизни и чувствах.

Чехова молчала. А что она могла возразить? Встречается, разговаривает.

– Мы не предлагаем вам прекратить эти отношения, – успокоил ее Фрейзер. – Ради бога – это ваш бизнес. Но мы хотим, во-первых, быть полностью в курсе ваших дел с русскими. А во-вторых, желали бы, чтобы вы сообщали русским кое-какую информацию, которую мы вам будем доставлять. Все это совершенно безопасно для вас. При этом голливудские контракты будут ждать вас...

– Господи, вы заблуждаетесь на мой счет!

– Не думаю. Если же вы не согласитесь, то мы просто выведем вас из игры, – жестко сказал Фрейзер.

– Каким образом? – выпрямилась Чехова. – Убьете?

– Зачем нам пачкать руки? – отмахнулся Фрейзер. – Мы просто подбросим русским информацию о ваших связях с современным гитлеровским подпольем, которое собирается любой ценой сорвать судебный процесс над фашистскими главарями в Нюрнберге... А так как вы консультируете русских по этому вопросу, они поверят, что вы выдадите немцам их секреты. И тогда вас увезут отсюда. Но на сей раз не в Москву, а напрямик в Сибирь...

Чехова закрыла глаза.

– У вас нет выбора, госпожа Чехова, – настойчиво сказал Фрейзер. – Поймите это наконец и прекратите свое дурацкое упрямство!

В этот момент раздался стук в дверь. Фрейзер замер.

– Кто это? – шепотом спросил он.

Чехова покачала головой. Она действительно не знала.

– Ольга Константиновна, это я, Ребров! – донесся голос из-за двери.

Фрейзер встал, вынул из внутреннего кармана пиджака пистолет и навел его на Чехову.

– Откройте, но не вздумайте предупредить его. Я вас просто пристрелю!

Фрейзер неслышно подошел к двери, встал сбоку. Пистолет был по-прежнему направлен на Чехову.

Она поправила прическу, глубоко вздохнула и открыла дверь.

Ребров, который на сей раз был в штатском, улыбаясь смотрел на нее. В руках у него был картонный ящик.

– Приехал попрощаться, Ольга Константиновна...

Чехова, не зная, что делать, смотрела на него отчаянными глазами. Ребров чуть заметно кивнул.

– А что случилось? – по возможности спокойно спросила Чехова. – Почему – попрощаться?

– Я уезжаю. Вот и решил сам завезти вам продукты, кто знает, когда увидимся. Можно войти?

Чехова растерянно отошла в сторону, и Ребров шагнул внутрь. Фрейзер, которого он не заметил, размахнувшись, профессионально ударил его сзади рукояткой пистолета по голове. Ребров рухнул на пол. Чехова, ахнув, бросилась к нему.

– Это ваш русский резидент? – спросил Фрейзер.

– Он просто русский офицер. Совсем молодой мальчик...

– Значит, просто поклонник?

– Если вы его убили... – Чехова лихорадочно ощупывала голову Реброва. – Русские найдут вас!

– Не найдут, – усмехнулся Фрейзер. – Скоро я уже буду в американской зоне... А вашему мальчику ничего не будет. Я просто отключил его ненадолго. Не волнуйтесь – скоро он придет в себя. Только не вздумайте рассказать русским о наших планах... Для своего же блага. Иначе мы вас накажем.

– Хватит меня пугать! Вы сейчас уйдете, а что я скажу русским? Как объясню, кто напал на него?

– Скажите, что на вас напали поклонники Гитлера, которые вас ненавидят. Тем более их сейчас половина Германии, – засмеялся Фрейзер.

Чехова смотрела на мертвенно-бледное лицо Реброва, не обращая внимания на Фрейзера, который направился к двери.

И в это же мгновение в комнату ворвались советские автоматчики...

Денис, время от времени прикладывая руку к затылку, допрашивал Фрейзера, усадив его в то самое глубокое кресло, где еще недавно сидела Чехова.

– Итак, кто вы? Только не надо мне рассказывать сказки про студию «Парамаунт»...

Фрейзер пожал плечами.

– Кстати, насчет мемуаров – полная правда. Интимные мемуары госпожи Чеховой могут принести в Америке хорошие деньги.

– Но вы не литературный агент.

– Да-да, это так – мое хобби. Вы должны знать, что каждый американец интересуется бизнесом.

– Кто вы на самом деле?

– Мне бы хотелось, чтобы нас оставили наедине, – кивнул Фрейзер на автоматчиков. – Не бойтесь, больше я бить вас по голове не собираюсь.

– Теперь моя очередь бить, так что имейте это в виду. У меня есть полное право на ответный удар. И я тоже умею дать, если надо, по голове. К тому же это наша зона оккупации. Не забывайте об этом.

– Я все понимаю.

Когда автоматчики вышли, Ребров еще раз спросил:

– Итак? Кто вы и что вам надо от Чеховой?

– Мы с вами коллеги, – улыбнулся Фрейзер. – И, хочу напомнить, союзники... Так что вам все равно придется отпустить меня.

– То есть вы представитель американской разведки?

– Скажем так – спецслужб.

– А что, американские спецслужбы занимаются изданием мемуаров актрис?

– Если актриса общалась с высшим руководством Германии и Советского Союза, то... Сами понимаете. Что же касается информации, которой располагает госпожа Чехова... Мы хотели выяснить, какие вопросы будут особо интересовать советских обвинителей на процессе в Нюрнберге. Ведь вы задавали ей такие вопросы, коллега?..

Когда Ребров и Чехова прощались, они вдруг оба почувствовали, что события последних дней незаметно, но довольно прочно сблизили их. Но оба они понимали и другое – что близость эта случайна, что называется, ситуативна, и никакого продолжения иметь не может. Но тем не менее в этот момент она была чрезвычайно важна и нужна для обоих. И запомнится надолго, если не навсегда.

– А вы разве не заметили, что шторы задернуты? – спросила Чехова.

– Заметил. Просто решил, что не стоит брать ваш дом штурмом, – неловко пошутил Ребров. – Надеялся сделать все тихо и обойтись своими силами...

- А что будет с этим господином Фрейзером?
- Думаю, что ничего особенного. Выяснят, кто же он есть на самом деле, как он сюда попал, чем занимается. Потом свяжутся с американцами и будут договариваться. А куда вы уезжаете? Или это тайна?
- Я перебираюсь в Нюрнберг.
- А-а... Будете судить всех этих...
- Ну, я не судья, так что судить будут другие. Я буду только наблюдать.
- Интересно, мы еще увидимся?
- Надеюсь.

Постскриптум

«Совершенно секретно. Принято по ВЧ, экз. 1.

Москва, НКВД СССР, тов. Берия

Газета «Курьер», издаваемая в Берлине под контролем французских военных властей, 14 ноября с. г. года поместила заметку «Орден для Ольги Чеховой». Как сообщает газета, киноактрисе Ольге Чеховой был вручен лично Сталиным высокий русский орден за храбрость. С первых дней войны, как сообщает газета, Ольга Чехова ... имела в своем распоряжении комнату в Ставке Гитлера. Который ради нее устраивал большие приемы. Много лет она вела опасную игру, не будучи разоблаченной со стороны гестапо. Только последние дни, когда Красная Армия сражалась в пределах Берлина, ее куратор был арестован, а ей самой удалось избежать расстрела».

Резолюция: «тов. Абакумову, тов. Меркулову. Что предполагаете делать в отношении Чеховой?

Л. Берия. 22.11.45»

Часть вторая Турбулентная осень

Глава I Вы – преступники. И только!

Два американских военных транспортных самолета вынырнули из пелены облаков один за другим и тяжело приземлились в аэропорту Нюрнберга. Их тут же окружили джипы и грузовики с вооруженными американскими солдатами.

По подогнанным трапам из самолетов с трудом выбралась группа пожилых, помятых мужчины. Одеты они были кто во что горазд – одни в гражданском, другие в военной форме без погон. На некоторых были натуральные обноски – заношенные рубахи, непонятного происхождения френчи. Сквозь строй солдат пленные прошли в автобус с зарешеченными окнами. Из самолета выбросили какие-то чемоданы и мешки, которые солдаты закинули в один из грузовиков.

Кортеж медленно двигался по разрушенному Нюрнбергу, а люди в автобусе молча и угрюмо разглядывали город. От обломков были расчищены только некоторые улицы. Среди руин вдруг можно было увидеть дымки от костров, вокруг которых сидели ни на что не обращающие внимание люди. Судя по всему, они там и жили. Проломы и дыры в стенах кое-где были небрежно заложены досками. В холле первого этажа одного из массивных зданий стояло искореженное зенитное орудие...

Проехав по широкой и прямой Фюртштрассе, кортеж вдруг оказался перед кварталом практически невредимых старинных зданий, в центре которого высился четырехэтажный Дворец юстиции за большими двойными чугунными воротами.

Кортеж обогнул Дворец, проехал вдоль длинного корпуса, расположенного перпендикулярно. Корпус выглядел совсем невесело – холодные старинные стены, ряды маленьких зарешеченных окон.

– Заключенные, вы – в тюрьме, – обратился к выстроившимся перед ним мужчинам начальник тюрьмы полковник Эндрюс.

Это был крепкий человек с короткой стрижкой, похожий на типичного американского шерифа, но в очках, из-за которых он больше смахивал на непробиваемого бюрократа. Полковник был профессиональным военным, который все в жизни делал по приказу или согласно уставу, на него невозможно было повлиять ни уговорами, ни лестью, ни мольбами, ни угрозами. Так как Эндрюс раньше служил в кавалерии, он всегда ходил со стеклом в руках, которым во время разговора постукивал по сапогу.

– Здесь установлены жесткие правила, которые будут соблюдаться неукоснительно. Никаких поблажек. Вы были в Мондорфе и должны понимать, что упрашивать меня о поблажках, угрожать мне, пугать жалобами – бесполезно. Вы можете жаловаться только господу Богу, но он не захочет протянуть руку помощи таким преступникам, как вы.

Выдержав многозначительную паузу, полковник Эндрюс продолжил:

– Скоро вы увидите свои камеры. Вам разрешается иметь карандаши, бумагу, семейные фотографии, табак и туалетные принадлежности. Все.

Эндрюс опять дал заключенным время усвоить услышанное.

– Охрана будет следить за каждым из вас круглые сутки. Когда заключенный ложится на койку, его голова и руки должны оставаться на виду. Брить вас будет тюремный парикмахер.

Очки выдаются на день и отбираются на ночь. Свет в камеры подается снаружи, в них нет электропроводки. Так что самоубийство током исключается. Несколько раз в неделю – обыск без предупреждения. И не дай бог будет найдено что-то запрещенное. Мытье – раз в неделю... Каждое утро – уборка своей камеры.

– Позвольте, но мы – военнопленные, – не выдержал Кейтель. – Есть Женевская конвенция об обращении с военнопленными...

– Плевать мне на конвенцию, – отрезал Эндрюс. – Здесь вы – только преступники, находящиеся под судом, и подчиняетесь тюремным законам.

– Не забываете, с кем вы имеете дело, полковник! – вскипел вдруг еще больше похудевший Геринг. – Вам еще придется устыдиться той роли, которую вы сейчас играете!

– Вот уж чего я точно не забуду ни на секунду, так это – кто передо мной, – осклабился полковник.

– Я требую, чтобы в моей камере постоянно находились лекарства, – не унимался Геринг. – Я не могу без них. Или вы хотите довести меня до смерти?

– Вы будете получать только те лекарства, которые пропишет тюремный врач. Что касается наркотических средств, которые вы прятали в ваших бесчисленных чемоданах, вы будете получать их как в Мондорфе – в том количестве, которое позволит сохранить вас живым до вынесения приговора.

Геринг на глазах становился пунцовым. Кое-кто из заключенных смотрел на него с откровенной усмешкой, кто-то стоял с отвлеченным видом. Было ясно, что эти люди ничем не объединены, что каждый из них занят только собственной судьбой.

– Не забываете, полковник, что вы имеете дело с историческими личностями, в чем бы нас ни обвиняли, – продолжал тем не менее кипятиться Геринг. – А вы – никто!

Эндрюс демонстративно засмеялся в ответ.

– Еще раз повторяю – это тюрьма для преступников. Запомните это. Все протесты против условий содержания являются не только необоснованными, но и неправомерными. Ваше представление о собственном статусе ошибочно.

Брезгливо посмотрев на заключенных, полковник объяснил еще раз:

– Повторяю еще раз для тех, кто не понял. Вы не являетесь ни пленными офицерами, ни даже просто военнопленными. Вы из тех, кто относился к международным договорам и праву как к макулатуре. Вы полагали, что их можно использовать только для собственной выгоды. Что их можно безнаказанно нарушать, когда дело касается других, особенно «неарийских рас». Поэтому вы сами поставили себя вне закона и стали преступниками. А сейчас вас отведут в камеры. На каждой указан номер и фамилия заключенного.

Геринг, желая, чтобы последнее слово было за ним и было ясно, что он не сломлен, громко спросил:

– Так как я тут главное лицо, надеюсь, у меня будет камера номер один?

Эндрюс сплюнул, хлопнул стеклом по сапогу.

– В какую посадят, в той и будешь сидеть.

Бывшие хозяева тысячелетнего рейха с удовлетворением наблюдали, как американец ставит на место толстого Германа. Они даже не представляли себе, какое жалкое зрелище представляют собой со стороны.

Постскрипtum

Из правил внутреннего распорядка для заключенных Нюрнбергской тюрьмы:

К окнам не разрешается подходить ближе, чем на четыре фута (около 1 метра).

Любое использование ножей и других колюще-режущих предметов строжайше запрещается.

Любая пища измельчается до состояния, чтобы ее можно было есть, не используя ложку.

Заключенных бреет тюремный парикмахер безопасной бритвой и только в присутствии надзирателя.

При пользовании очками, авторучками и карандашами для работы с документами по судебным делам присутствие надзирателя обязательно.

Заключенным и тюремному персоналу запрещается приветствовать друг друга иначе, как кивком головы...

Глава II «Экспериментаторы»

Камера Роберта Лея ничем не отличалась от остальных камер в тюрьме. Размер – три на четыре метра. На высоте человеческого роста – небольшое окно, выходящее в тюремный двор. В двери – другое окошко, постоянно открытое, за которым часовой. В углу – унитаз. Рядом столик, жесткое кресло без ручек, напротив застеленная тонким грубым одеялом койка.

Лей, жалко скрючившись, сидел на кровати, а в кресле, высоко задрав одну ногу на другую, расположился мужчина в гражданском плаще и шляпе, которую он даже не потрудился снять. Выглядел он как типичный представитель американских спецслужб. У двери, закрывая окошко, скромно стоял судебный психиатр майор Дуглас Келли.

– Доктор Лей, – негромко сказал Келли, – перед вами представитель американской военной администрации. Он наделен весьма серьезными полномочиями. Вы можете называть его мистер Смит.

Лей с готовностью кивнул. Все его лицо выражало неподдельную радость. В мятой застиранной американской военной робе и войлочных шлепанцах он выглядел никому не нужным бродягой.

– Мистер Смит пошел навстречу вашим просьбам и согласился выслушать ваши мысли о нынешнем и будущем положении Германии. И в случае необходимости донести их до самых высоких инстанций, – внушительно подчеркнул Келли.

– В случае, если сочту ваши мысли перспективными и полезными для Америки и Германии, – внес ясность мистер Смит, продемонстрировав заодно свои завидно белые зубы.

– Беседуйте, а я пока навещу других заключенных, – сказал, выходя, Келли.

Едва он вышел, как Лей, крупноголовый, с выпуклым лбом и тревожно раскрытыми глазами, заикаясь, принялся торопливо говорить, словно он только и ждал этого момента.

– Мы были экспериментаторами, сэр. Но, экспериментируя с человеческим материалом, мы кое-где в документах оставили после себя неправильные слова – «уничтожение», «устранение», «отсекновение»... Пусть даже речь идет о гнилых тканях, в документации всегда должны фигурировать только правильные слова – «созидание», «строительство», «решение вопроса»... Тогда никто не потянет вас к ответу на каком-то там трибунале, даже если в ходе опыта вы отсекали гораздо больше живых тканей, чем это сделали мы. А потому правильные слова и сильная армия и... Америка превыше всего, не так ли?!

– А какими «правильными» словами вы собирались прикрыть Дахау, Освенцим?

Испанцы вырезали индейцев Южной Америки, вы, американцы, Северной! И человечество это проглотило. Оно проглотило бы все освенцимы, если бы мы выиграли эту войну! А слова... Слова всегда найдутся, когда армия сильная.

– Давайте исходить из того, что вы проиграли, – прерывает его Смит. – Вы разгромлены. Вы капитулировали без всяких условий. И находитесь в полной власти победителей, которые могут сделать с вами все, что сообразовано. Вот о чем вы должны помнить каждое мгновение.

– Америка должна понять главное, победа Советского Союза над Германией – это победа марксизма, которая опасна для Запада. Не только марксизма! Это азиатское наступление на Европу. Германия всегда была дамбой против азиатского, а потом и большевистского потока. Ныне эта дамба разрушена. И немецкий народ не способен восстановить ее сам. Ему надо помочь в этом историческом деле.

– И кто же должен это сделать?

– Америка должна восстановить эту дамбу, если сама хочет жить. Для немецкого народа и для Америки нет другого пути!

– И какой будет эта Германия?

– Национал-социализм, к сожалению, запятнал себя крайностями, которые американское общество не приемлет. Я и сам не принимал их. Но, к сожалению, Гитлера окружали не те люди. Национал-социалистская идея, очищенная от антисемитизма и соединенная с разумной демократией, – вот что Германия может предоставить нашему общему делу.

Мистер Смит помолчал, словно прикидывая что-то про себя. Лей смотрел на него умоляюще.

– Это теория, – наконец сказал мистер Смит. – А есть практика. В жизни все решают люди, конкретные люди. Кто они? Те, кто сможет построить новую Германию?

– Это наиболее уважаемые и активные граждане страны – гауляйтеры, крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры...

– Если я правильно понял, это руководители нацистской партии – районные, окружные и так далее...

– Да. Потому что это были самые организованные и способные люди Германии. Германия держалась на них.

– Это была Германия Гитлера, – напомнил Смит.

– Гитлера уже нет, а Германия осталась, – с восторженной горячностью воскликнул Лей. – И она нужна Америке. Есть еще руководители армии, разведки, промышленности... Это хребет страны. Их надо освободить из лагерей и тюрем. Освободить и привлечь к возрождению германского духа. Но без крайностей, без крайностей! Тех самых, которые погубили Гитлера.

– Но вы должны понимать, что после всего, что произошло, это вызовет взрыв общественного негодования во всем мире. В том числе и в Америке.

– Понимаю, – с готовностью закивал Лей. – Эта акция должна быть осуществлена в полной тайне. Без всякой публичности. Американские руки не должны быть слишком видны. Просто эти люди должны тихо вернуться и занять руководящие позиции. Ибо других нет. Поверьте, я знаю, что говорю! Других вы не найдете.

– А как вы видите свое будущее, доктор Лей? – поинтересовался Смит.

– Я думаю, мой опыт организационной работы тоже пригодится. Я написал письмо господину Генри Форду, где предлагаю использовать мой опыт сооружения автомобильных заводов «Фольксваген». С американской помощью мы создадим абсолютно лучшую автомобильную промышленность в мире.

Мистер Смит встал.

– Ну что ж, я вас внимательно выслушал, доктор Лей. Но для того, чтобы мы могли сотрудничать с вами, нам нужно быть уверенными в вашей искренности.

– Я готов ее доказать! Чем? – по-собачьи, снизу вверх посмотрел на мистера Смита своими выпуклыми, влажными от возбуждения глазами Лей.

– Например, нас интересует информация об «альпийском золоте»... Ведь у вас есть что сказать на сей счет?

Лей понуро опустил голову и ничего не сказал.

– Вот видите, доктор Лей, – с укором сказал Смит. – Вы сразу пошли на попятный. Выходит, вы неискренни, вы ведете с нами игру. Надеемся обмануть нас, подсунуть самый дешевый товар – слова, на которые вы все большие мастаки. В вашем положении я бы не стал этого делать. Если дело дойдет до суда... Вернее, до трибунала... Вы понимаете разницу, доктор? Суд судит, а трибунал осуждает. Так вот, вы должны отдавать себе отчет: спасти всю вашу теплую компанию, собранную здесь, уже никому не по силам. Хотя некоторые еще могут спасти свою шею от петли... Но для этого нужны веские основания.

– Я ничего не знаю... про золото... – дрожащими губами выговорил Лей.

– Не знаете, – усмехнулся Смит. – Как переустроить мир, знаете, а где золото – нет.

– Я не знаю... Не я...

– Вот видите, вы до сих юлите и надеетесь провести нас... Кстати, в ваших мыслях есть разумные вещи. Но вы должны усвоить одну простую вещь – их можно проводить в жизнь и без вашего участия. Лично вы не нужны для этого, доктор Лей. Как и ваши поделники в соседних камерах. С вашей репутацией палачей и садистов вас нельзя использовать в открытой политической игре.

Лей опустил голову. Он плакал.

– Да, а еще скоро за вас примутся русские следователи... Вы все плачете о большевистской угрозе, о необходимости ее остановить, а сами помогаете большевикам.

– Я?..

– Мартин Борман, о судьбе которого бродит столько слухов, вполне может оказаться живым. Ведь труп его не найден... А так как он пропал на территории русских, значит, он может оказаться в их руках. И уж он не станет молчать. Русские или уже выбили из него все секреты, или он спокойно пошел на сотрудничество с ними. Борман в отличие от вас человек практический и не живет химерами. Значит, золото попадет в руки русских, и тогда...

Смит сунул руки в карманы плаща.

– Тогда ваши слова о наших совместных действиях гроша ломаного не стоят. Хуже того, ваше молчание, нежелание честно сотрудничать с нами означает, что вы работаете на русских... Волей или неволей. Но какая нам разница! Пока вы тут читаете нам проповеди, русские выясняют, где хранится золото. Спасайте свою жизнь, доктор Лей. Я сказал вам, как это можно попробовать сделать. Если надумаете, сообщите...

Смит вышел. Лей смотрел ему вслед совершенно безумными глазами. Потом вскочил и заметался по крохотной камере.

Постскриптум

Американская разведка прятала от международного правосудия десятки нацистских военных преступников и их пособников – свидетельствует шестисотстраничный доклад Министерства юстиции США, содержание которого долго скрывали. Одним из военных преступников, с которым сотрудничало ЦРУ, оказался Отто фон Болшвинг, который непосредственно участвовал в разработке плана чистки Германии от евреев. Среди укрытых ЦРУ фашистов оказались многие деятели Третьего рейха. Например, Артур Рудольф, который руководил заводом боеприпасов. На этой должности он организовывал использование подневольного труда угнанных в Германию рабочих и военнопленных. На это закрыли глаза и доставили его в Америку, ведь он знал очень многое о производстве ракет. Позднее его называли отцом американской ракеты Saturn 5.

Глава III

Нас ждут мраморные гробы!

– Ничтожества! – раздраженно произнес барон. – Какого черта их спасать? Зачем они нужны? Им наплевать на все, лишь бы спасти свои никчемные жизни. Все их громкие признания в любви к Германии – обычная ложь. Вы знаете, что сказал перед тем, как прикончить своих детей, этот приволакивавший ногу уродец Геббельс?.. Германский народ оказался недостойн своих вождей, объявил он, и потому пусть гибнет вместе с ними... Как вам это нравится, господин советник?

Подтянутый мужчина, стоявший у окна, заложив руки за спину, пожал плечами.

– Мне это не нравится, господин барон. Но я знаю и другое – Геббельс был гением пропаганды. И его уроки нам еще понадобятся.

– Неужели вы надеетесь, что немцы еще раз клонут на идеологию нацизма?

– На идеологию, в которой не будет крайностей, которые позволили себе Гитлер и Гиммлер. Уж мы-то с вами знаем, что в так называемом гитлеризме было многое, что существовало в сознании немцев и до него. И будет существовать дальше. Тут не о чем даже спорить.

Барон решительным жестом пресек разговор.

– Это все теории и философские дебри. Давайте отложим их для лучших времен. А сейчас надо заниматься вещами практическими. Например, «альпийским золотом».

Человек, которого барон назвал советником, не стал спорить.

– Вы хотите его найти и вывезти из Германии?

– Боюсь, сейчас нам не удастся это сделать. А я не фантазер. Поэтому наша задача – не допустить, чтобы оно попало в руки русских и американцев. Согласны?

– Что мы имеем? О золоте из оставшихся в живых могут знать Борман, Геринг, Лей... Борман исчез, и хорошо, если он мертв, а не находится в руках русских или американцев. Геринг... Если бы он знал, то он бы не утерпел и давно уже торговался с американцами, но этого, по нашим сведениям, не происходит. Значит, он просто не знает. И это объяснимо – все-таки Гитлер ему не доверял в последнее время.

– Он что-то мог знать до их ссоры с фюрером.

– Его сведения просто устарели. Золото перепрятывали последний раз, когда между ним и Гитлером пробежала черная кошка. А теперь – Лей... Мне сообщают, что в тюрьме он мучается проектами послевоенного устройства мира, как будто его кто-то об этом спросит! Но американцам нужно от него совсем другое. Пока он молчит, но психика хронического алкоголика, особенно после того, как ему не дают пить, вещь ненадежная.

– Конечно. Самое разумное в этой ситуации – нейтрализовать его, – спокойно сказал советник и спросил: – Как охраняется тюрьма?

– Неплохо, хотя... Американцы достаточно беспечны. Чувство победителя расслабляет. А зачем вам это? Неужели вы все-таки хотите попытаться освободить их?

– Господин барон, я знаю о вашем отношении к осужденным. Но, не буду скрывать от вас, на Тайном совете, в который я вхожу, принято решение попытаться вытащить кое-кого из тюрьмы. Мы уже нашли находящихся на свободе людей из группы Отто Скорцени, это лучшие специалисты по диверсиям. К тому же во Дворце юстиции и тюрьме работает довольно много немцев – пленных и гражданских. Если ими заняться... Да, а совсем рядом с Нюрнбергом несколько лагерей с пленными из частей СС.

– Вы знаете мое отношение к этим людям в тюрьме, – непримиримо сказал барон. – Я считаю большой ошибкой всякую попытку спасти их. Пусть отвечают. Они должны стать искупительной жертвой.

– Мы все знаем, – пожал плечами советник. – Больше того, некоторые члены Тайного совета разделяют вашу позицию. Но решение принято.

– Ну да, в дело вступает знаменитая немецкая дисциплина! Но ответьте мне – зачем они нам на свободе? Что с ними делать? Они вовсе не Наполеоны... Вспомните, советник, большинство из них выдали американцам сами немцы. Они не нужны никому! Неужели вы думаете, что найдутся желающие воевать за них?

– В том-то и дело, что найдутся.

– Наверное, наверное, найдутся отчаянные головы. Но как только вы вылезете, союзники введут военное положение и разнесут все, что еще не успели разнести.

– Но зато мы не допустим процесса, который переломит хребет Германии. Мы продемонстрируем силу нашего духа. Это главное!

– Господи, опять эта мистика! Вы еще расскажите мне, что надо вернуть Копье Судьбы, потрясти им и мир снова будет у наших ног.

– Но ведь он был у наших ног, барон, – напомнил советник. – Люди верили Гитлеру, потому что он сам верил в свое предназначение. И сегодня, когда немцы деморализованы и сходят с ума, им нужен новый символ веры... Нужно продемонстрировать, что у нас есть силы и возможности, что мы не бараны, которых гонят на бойню или собираются кастрировать.

Барон тяжело вздохнул.

– О'кей, как говорят наши друзья американцы. Не буду вас и ваш Тайный совет разубеждать. Вперед, и пусть Копье принесет вам удачу.

– Хорошо бы его найти для начала, – засмеялся советник.

– Ах, у вас его и нет еще!.. А где же оно?

– Похоже, у американцев. Но мы попробуем его достать. Нужны символы, господин барон, символы! Вы слишком материалистичны, а общаясь с американцами и вовсе превратитесь в бизнесмена. А немцам нужны символы духа. Так уж они устроены. Нам нужен не сам Гитлер, который в конце превратился в дряхлую развалину, а та сила, которая вознесла его на вершину. И отвернулась от него, когда он перестал слушать ее.

– Ох уж эти мне немцы!

– А чем же собираетесь заниматься вы, господин барон?

– Думаю, самое реальное, что мы можем предпринять, – дискредитация самого процесса. Немцы, весь мир должны увидеть, что это не настоящий и справедливый суд, а просто сведение счетов и месть победителей.

– Вы тоже немецкий мечтатель, господин барон. Найдете адвокатов, которые докажут, что Кальтенбруннер и Геринг – ангелы во плоти? Вы представляете, какие документы будут предъявлены? Чьи свидетельства? Какое впечатление они произведут?

– Представляю. Но у союзников на совести тоже масса грехов. И если в них покопаться, взять хороших адвокатов, доказать, что победители и побежденные одним миром мазаны... Процесс можно затянуть и профанировать.

– Вряд ли это нам позволят сделать, но попытаться можно, – согласился советник. – Давайте будем действовать с двух сторон.

Советник прошелся по кабинету. Улыбнулся каким-то своим мыслям.

– Кстати, Геринг говорит, что через пятьдесят лет германский народ признает его и всех остальных подсудимых героями, перенесет полуистлевшие кости в мраморных гробах из могил в национальный храм и будет молиться на них.

– Ого, толстый и жадный Герман записался в святые! Его надо было упрятать в тюрьму гораздо раньше, чтобы на его совести было поменьше грехов. А что касается их костей... Он ошибается, после того, как их повесят, союзники позаботятся, чтобы их трухлявые кости не нашел никто и никогда. Их просто уничтожат.

Советник засмеялся.

– Герингу сказали то же самое. И знаете, что он ответил? Что тогда возьмут чьи-нибудь кости, выдадут за кости Геринга и все равно возложат в мраморные гробы. И потекут миллионы паломников, чтобы приложиться к мощам великомучеников...

– О господи, кем себя вообразил этот толстяк!

– Сейчас он худ, как чучело. Кожа висит складками, как у слона. В них можно даже устроить тайник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.